

Обед у людоеда

Автор:

Дарья Донцова

Обед у людоеда

Дарья Донцова

Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант #5

Мало того, что меня преследует глюк – кенгуру на балконе, – так и на работе случился облом. Я, Евлампия Романова, – агент бюро темных услуг «Алиби». Выполняя задание шефа, я под видом прислуги поселилась в семье клиентки и в два счета застукала мужа Ани слюбовницей. С чувством выполненного долга я положила на стол шефа снимки. Но Аня предложила мне у нее остаться. На дне рождения хозяина умерла, выпив ликер с цианидом, их гостья, в которой я без труда узнала ту самую любовницу. И сразу неприятности посыпались как из рога изобилия – отравили моего шефа, арестовали Аню, я потеряла работу... Но я никогда не унываю, поэтому по просьбе Аниной дочери смело взялась за расследование...

Дарья Донцова

Обед у людоеда

Глава 1

Будильник прозвенел, как всегда, в семь сорок. Я с трудом открыла глаза и закрыла их опять. Есть же на свете счастливые люди, вскакивающие с кровати в несусветную рань с бодрым, радостным настроением. Делают зарядку,

обливаются ледяной водой, на завтрак поедают только полезные мюсли и убегают на работу в отличном расположении духа. Причем, как правило, эти люди не пользуются лифтом, используя лестницу в качестве бесплатного тренажера.

Я всегда черной завистью завидовала всем, кто ведет правильный образ жизни. У меня, к сожалению, никак не получается взять себя в руки. Утреннюю гимнастику я не делаю, честно говоря, обожаю поспать часиков до одиннадцати, и если бы не Лиза и Кирюша, которым нужно попасть в школу к первому уроку, то дрыхла бы до обеда. Ледяная вода вызывает у меня дрожь. Я ни за что не полезу в море при температуре воды меньше двадцати пяти по Цельсию. Хотя, кажется, ее меряют не по Цельсию. Не знаю, я отвратительно безграмотна во всем, что связано с математикой, физикой, химией, географией. Бег с сумками наперевес по лестнице тоже не является моим хобби. И вообще, вчера я заснула около часу ночи, потому что читала в кровати последний роман Марининой да еще, увлекшись сюжетом, слопала почти полную коробку шоколадных конфет. К слову сказать, мюсли кажутся мне отвратительным продуктом, не понимаю, кем нужно быть, чтобы заставить себя съесть ранним утром нечто похожее на недоваренную геркулесовую кашу с твердыми комьями лежалых сухофруктов!

Будильник затрезвонил вновь. У меня «хитрые» часы, которые будут взвизгивать через каждые десять минут, пока вы не стукнете их сверху кулаком. Я потянулась и сумела-таки открыть глаза. Делать нечего, встать-то надо.

Постанывая и проклиная злую судьбу, я нашарила тапки и подошла к балконной двери. Сейчас распахнем занавески, и станет веселей...

Портьеры с легким шорохом разъехались в стороны, утренний свет хлынул в комнату. Чуть прищурившись, я лениво глянула в окно и обомлела.

На балконе, умильно сложив на мохнатой груди коротенькие лапки, стояла... кенгуру. Секунду я обалдело смотрела на животное, потом быстренько задернула шторы и побежала к кровати. Так, главное – спокойствие, только спокойствие, как любил говорить Карлсон, живший на крыше. Скорей всего я еще не проснулась, мне просто почудился звон будильника, это сон. Ну скажите, каким образом на балконе московской квартиры, расположенной на седьмом этаже, могла оказаться кенгуру? Бред! Я быстренько ущипнула себя за руку и ойкнула. Подождав пару минут, вновь распахнула занавески и уставилась на животное.

Славное сумчатое как ни в чем не бывало моргало карими глазами, большие уши подрагивали, нос смешно морщился. В полной прострации я вновь задвинула бархатные шторы и ринулась на кухню. Грохнув на плиту чайник, я кинулась будить Лизу и Кирюшу. Пусть дети зайдут ко мне в спальню и скажут, есть кенгуру или нет. Честно говоря, я до сих пор считала, что не подвержена глюкам, да и с чего бы у меня появились галлюцинации? Не пью, не употребляю наркотики и не ем мухоморы.

Тут мой взгляд упал на календарь, и я расхохоталась. Так, все понятно, сегодня первое апреля, вот Лиза с Кирюшей и решили разыграть меня. Небось купили плюшевую игрушку и, когда я наконец заснула, прокрались в комнату и установили ее на балконе. Надо сказать, их план удался полностью, мне на несколько секунд и впрямь показалось, что животное живое. Минуточку, а почему оно двигает ушами и моргает? А, все ясно, небось работает на батарейках. Ну погодите, хитрецы!

Когда Лиза и Кирюша, зевая, сели за стол, я спокойно сказала:

– Ну, и кто из вас додумался купить кенгуру?

– Кого? – удивился Кирюшка.

– Кенгуру.

– Какую?

– Ту, что стоит у меня на балконе.

Мальчик отложил вилку и озабоченно спросил:

– Ты не заболела?

– Абсолютно здорова.

– Наверное, опять читала на ночь детективы, – вздохнула Лиза. – Ну ничего, мы сейчас в школу уйдем, а ты отдохни как следует, поспи часок-другой.

– Да ладно вам, я все уже поняла, сегодня первое апреля, небось кучу денег потратили.

– Кто?

– Да вы, кенгуру ведь дорогая забава.

– Мы ничего не покупали, – тихо сказал Кирюшка.

– У тебя голова не болит? – любопытствовала Лиза.

Мне шутка надоела, и я сказала:

– А ну пошли.

В спальне я подвела их к балкону и велела:

– Давайте втаскивайте игрушку в комнату.

Дети глянули на улицу.

– Но там никого нет, – сказали они в один голос.

Я прислонилась лбом к стеклу. И впрямь – пусто!

– Ну, Лампа, – восхитился мальчик, – здорово ты нас разыграла, просто тепленькими взяла, прямо из кровати. А мы-то тебя не обманули!

– Не расстраивайся, – пробормотала я, – день длинный, еще успеешь оттянуться.

– Да, – обиженно пробормотала Лиза, – нам такого вовек не придумать – кенгуру на балконе!

Толкаясь, они побежали в прихожую и затеяли спор о том, кто поведет собак на прогулку. Наконец перебранка стихла. Я закрыла дверь и пошла в спальню. Значит, все-таки глюки. Но как натурально выглядело животное, даже ворсинки

коричнево-серого меха дрожали от ветра. На календаре первое апреля, но погода совершенно зимняя, снег валит, не переставая.

Дойдя до балкона, я глянула на него и онемела. Кенгуру вновь была там. От ужаса и недоумения я перекрестилась и громко произнесла:

– Сгинь, рассыпся.

Но симпатичная зверушка подняла лапки и совершенно по-человечески прикоснулась к стеклу. Послышался легкий стук. Так, теперь к зрительной галлюцинации прибавилась еще и слуховая.

Раздался звонок – это дети привели с прогулки собак. Слово выпущенные из прачи, псы понеслись по длинному коридору в кухню, предвкушая вкусный завтрак.

– А она опять здесь, – глупо хихикнула я.

– Кто? – поинтересовался Кирка, подхватывая портфель.

– Кенгуру!

– Ой, Лампа, – погрозила пальцем Лиза, – второй раз не обманешь.

– Ей-богу, сидит и стучит лапой в окно!

Взвизгнув, дети понеслись в спальню, я за ними.

– Да, – проговорил Кирка, – ну и лохи мы с тобой, Лизка, опять попались.

– Ну, погоди, Лампуша, – вздохнула Лизавета, – обязательно отомстим.

Чувствуя, что сейчас рассудок меня окончательно покинет, я пролепетала:

– Честное благородное, она сидела там и лапкой...

– Била в барабан и пела «Ой мороз, мороз», – заржал Кирка. – Пошли, Лизавета, в школу опоздаем.

Они убежали, а я быстренько задернула шторы, ни за что больше не взгляну на улицу. И вообще, мне пора на работу, начальник терпеть не может опаздывающих.

Служу я в совершенно невероятном месте – агентстве «Алиби». В нашу задачу входит помогать всем, кто заплатил соответствующую сумму, кстати, очень и очень солидную. Ну, например, вам хочется слетать с любовницей в Испанию, но как объясниться с женой? Да очень просто: один визит в «Алиби» – и дело сделано. Смело рассказывайте супруге, что отправляетесь по делам службы в... Норильск или Магадан, словом, туда, куда она никогда не захочет с вами поехать. В нужный день и час с «работы» пришлют машину, симпатичный шофер подхватит чемодан, можно и даже нужно взять с собой в Домодедово законную супругу. На ее глазах вы, предъявив билет на рейс Москва – Воркута, пойдете в сторону посадки на самолет. Тот же любезный шофер доставит вашу жену домой и позвонит из вашей квартиры на работу с отчетом:

– Ивана Ивановича проводил.

Более того, вечером вы соединитесь с любимой женушкой и сообщите свой телефон в гостинице. Если она возжелает поболтать с вами, то приятная пожилая женщина, назвавшись дежурной по этажу, скажет:

– Иван Иванович пошел ужинать.

А через полчаса жена услышит голос любимого супруга, которому «дежурная» сообщила про звонок.

В назначенный день муженек явится домой и достанет из чемодана пакет с нехитрыми северными сувенирами – расшитыми варежками, фигуркой из кости, пимами...

Впрочем, алиби частенько обеспечивают и женщинам. Еще агентство выполняет всевозможные деликатные поручения. Например, на днях одна актриса наняла двух молодых людей, чтобы те закидали гнилыми помидорами ее коллегу. Иногда приглашают на свадьбу к бывшему кавалеру или поручают вручить букет

подгнивших хризантем надоевшей любовнице. Вообще, поле нашей деятельности очень широко. Единственное, с чем хозяин агентства Семен Гребнев не желает связываться, – это криминальные истории. Пока речь идет о безобидном обмане мужей и жен или надувательстве какой-нибудь фирмы, сотруднику которой позарез нужно отсутствовать на работе, – пожалуйста. Вам помогут, с улыбкой и радостью предоставят самый настоящий бюллетень и даже проконсультируют в отношении симптомов того или иного заболевания. Но если Сема усмотрит в вашей истории нечто, напоминающее игры с законом, он моментально и безоговорочно укажет вам на дверь.

Во всяком случае, я так думаю. Честно говоря, в агентство в основном обращаются люди, желающие наставить рога своим супругам. Вот мне, например, сегодня предстоит изобразить подругу одной весьма удачливой бизнесвумен. Дама весьма успешно торговала рыбой, заработала капитал, открыла три магазина, словом, стремительно взлетела вверх к пику благополучия. А вот муженек ее, простой работяга, наоборот, проделывал обратный путь. Завод, где он трудился, накрылся медным тазом, пришлось мужику идти на биржу. Удачливая женушка предложила супругу стать директором одной из ее торговых точек, но самолюбивый муж не согласился, начал пить, словом, совершенно скатился к подножию социальной лестницы. Но, видно, бизнесменша все же любила неудачливого супруга, потому что не собиралась разводиться. От неумеренного потребления алкоголя у мужика образовалась такая импотенция, что его ничего, кроме бутылки, не интересовало. Но торгашка усиленно делала вид, что в семье полный порядок. Вот только любовника пришлось завести, как она бесхитростно объяснила Сене: «Для здоровья».

И мне теперь предстояло изобразить подругу, с которой прелестная рыботорговка отправится на уик-энд.

В конторе я быстренько переоделась. У нас целый гардероб на все случаи жизни – вечерние платья, спортивные костюмы, пиджаки и юбки, джинсы... Сегодня предстояло изображать богатую, но вульгарную тетку. Какая, скажите на милость, может быть подруга у дамы, которая заявила мне вчера:

– Ты только хорошо все сыграй, я тебе завсегда форель по оптовой цене положу. Будешь рыбку за медные копейки жрать.

Я натянула черные бриджи, ярко-красный пуловер и щедро обвесилась золотыми украшениями. Вообще-то перстни, кольца, цепочки и браслеты сделаны из «самоварного» золота, но издали смахивают на настоящие. Правда, для некоторых случаев Леня торжественно вынимает из сейфа великолепные ансамбли с изумрудами и сапфирами. Пару раз мне приходилось появляться на артистических тусовках, а там «кастрюльное» золото не пройдет. Но для мужа-алкоголика не стоит особо стараться, блестит и ладно!

В агентстве меня ценят, считают отличным работником и поручают самые щекотливые дела. Правда, служу я в «Алиби» не так давно, но успела подружиться со всеми. Зарплата тут отличная, начальник душка, коллеги, среди которых, кстати, несколько самых настоящих актеров, очень милые люди. Ну что еще человеку надо для счастья? К тому же я до безумия обожаю детективы и имею некоторое отношение к сцене. Дело в том, что я, Евлампия Андреевна Романова, по образованию арфистка. Закончила Московскую консерваторию, несколько лет без всякого успеха концертировала, потом выскочила замуж. Но семейная жизнь не сложилась. Муж Михаил оказался преступником, самым настоящим убийцей и мошенником. И одной из его жертв должна была стать я. Но, к счастью, Михаила арестовали. Он осужден и отбывает срок в каком-то лагере. Честно говоря, не знаю, да и не хочу знать – где, мы в разводе.

Последнее время я живу вместе со своей ближайшей подругой Катей, Екатериной Андреевной Романовой. По стечению обстоятельств у нас одинаковые отчества и фамилии, но мы не родственницы, хотя узы, связывающие нас, наверное, крепче кровных. Катя великолепный хирург, оперирует щитовидную железу. Я веду домашнее хозяйство – стираю, убираю, готовлю. У Катюши двое сыновей – двадцатичетырехлетний Сережка и двенадцатилетний Кирюша. Сережа женат, его супруга Юлечка журналистка. Вместе с нами проживает куча животных: четыре собаки – два мопса, Муля и Ада, стаффордширская терьерка Рейчел, дворняга Рамик, три кошки – Клаус, Семирамида и Пингва, жаба Гертруда, хомячки Бонго и Донго, попугай Кеша и морская свинка Изабелла де Бурбон. Причем именовать последнюю следует только полным именем, на сокращенный вариант – Белла – она не реагирует.

В январе этого года Катюше предложили работу в Америке. Оклад пообещали такой, что подруга моментально собралась в путь. Вместе с ней за океан отправились и дети с животными. Я осталась одна. За месяц до отъезда мы с Катюшей провели несколько бессонных ночей на кухне, решая, куда устроить меня на работу. По большому счету, я не слишком многое умею делать.

Собственно говоря, могу только весьма плохо играть на арфе да готовить.

В конце концов Катюша пристроила меня экономкой в богатый и шумный дом модного писателя Кондрата Разумова. Служба казалась на первый взгляд не слишком обременительной. Мне предстояло надзирать за домработницей, кухаркой и домашними учителями Лизы – дочери Кондрата от первого брака.

Но не успела я и недели проработать на новом месте, как Кондрата убили. Не буду рассказывать, что пережили мы с его дочерью Лизой. Родная мать давным-давно отказалась от девочки, а когда погиб отец, она и вовсе стала круглой сиротой.

Совместные испытания сблизили нас с Лизой, мы обзавелись котенком по кличке Пингвин и подобрали Рамика, щенка неизвестной породы. Не хочу утомлять вас бесконечными деталями, скажу только, что сейчас четырнадцатилетняя Лиза живет со мной, и я считаю ее своей дочерью.

В конце марта из Америки неожиданно вернулся Кирюшка вместе со всеми домашними животными.

– Знаешь, Лампочка, – жаловался он, разбирая чемоданы, – не по мне эта их заграница. Ну, прикинь, в школе одни придурки. В седьмом классе умножение в столбик проходят. По географии – только Америка, физики, химии просто нет. И вообще они идиоты! Знаешь, какая шутка у них самая прикольная?

– Ну?

– Кто-нибудь пукнет, а остальные ржут – не дети, а дебилы. Жирных полно, прямо слоны по улицам ходят, едят всякую дрянь из коробочек и все время друг с другом судятся. Нет, мне там не понравилось! Знаешь, что люди в Нью-Йорке в метро делают?

– Что?

– Едят! Сядут в вагон, супчик в картонном стаканчике вытащат или чипсы – и ну наворачивать, а пустую упаковку потом на пол швыряют. У них в подземке такая грязь! Стены все исписаны, скамейки измазаны – сесть противно. Одно хорошо –

платят маме много, на ее месячную зарплату мы тут год жить можем!

Я погладила его по вихрастой голове. Кирюшка уткнулся в мое плечо, и я с изумлением поняла, что еще чуть-чуть, и он станет выше меня. Хотя, если подумать, это совсем неудивительно. Мой рост всего метр пятьдесят восемь, а вес сорок семь килограммов. Честно говоря, я побаивалась, как он воспримет Лизу, но дети моментально подружились. Еще у меня вызывала опасение первая встреча наших животных. Но мопсы и стаффордшириха, одуревшие от многочасового перелета, даже не моргнули глазом при виде Пингвы и Рамика. А кошки только фыркнули пару раз на наглого котенка. Вскоре мопсихи поняли, что голенастый и веселый Рамик – отличный товарищ по играм, а Клаус и Семирамида принялись обучать Пингву джентльменскому поведению. Кстати, Пингвин на самом деле кошка, просто, когда давали имя, не слишком разобрались в половой принадлежности котенка. Вот так мы и живем и ждем, когда из Америки вернутся Катя, Юля и Сережка.

День мой катился как всегда. Сначала, усиленно растопыривая пальцы веером, я изображала из себя подругу торгашки рыбой, потом вернулась в офис и пошла в кабинет к Сене.

– Молодчина, – похвалил начальник, – можешь быть свободна до завтра. Явишься к одиннадцати, будет новый заказ.

Я обрадованно закивала. Заказчик – это хорошо, просто отлично, каждый клиент – деньги.

– Устала? – поинтересовался Семен и повернулся к бару.

– Очень, – вздохнула я, – набегалась сначала с этой рыбницей, а потом пришлось три часа болтать с ее мужем, прямо караул!

– Ничего, ничего, – приободрил меня хозяин. – Хочешь коньячку?

– Ну разве что капельку! Ты же знаешь, я косею даже от запаха!

– Это хорошо, – засмеялся Сеня и наполнил пузатый фужер, – пьяная женщина согласна на все.

Он пригубил напиток и причмокнул губами.

– Хорош!

– Борзой щенок? – усмехнулась я, разглядывая бутылку.

– Именно так, – вновь засмеялся Сеня, – подарок благодарного клиента. Не все же такие, как госпожа Воробьева!

Я невольно поморщилась. Мадам Воробьева оказалась редким по зловредности экземпляром. Сеня, как правило, берет с заказчиков деньги и только потом принимается за работу. Когда он только начинал бизнес, его пару раз обманули, и теперь мужик твердо придерживается принципа: утром деньги – вечером стулья. Прощаясь с клиентом, Сеня производит окончательный расчет – случаются у нас непредвиденные расходы, счета выдаются клиенту на руки. Люди, как правило, безропотно расстегивают кошельки, но Елена Павловна Воробьева оказалась не из таких. Сначала она с карандашом и калькулятором все проверила, потом стала возмущаться:

– Это что за сумма?

– Купили единый на январь для человека, который ездил по вашим делам, – кротко пояснил Сеня.

Елена Павловна нахмурилась.

– Единый?! На целый месяц? Но сегодня только двенадцатое число! Нет, так не пойдет, заплачу лишь половину.

Сами понимаете, ожидать от такой коньяк в подарок не приходится. А напиток, которым Сеня меня сейчас угостил, и впрямь был высшего класса, на языке остался маслянистый привкус, и цвет у него красно-коричневый, самого благородного тона.

– Лампа, – начал Сеня, – ты ведь знаешь, что я считаю тебя своей лучшей работницей.

Я кивнула.

– Так вот, именно поэтому хочу дать совершенно особое, эксклюзивное задание.

Я опять кивнула. Это очень хорошо, значит, и заплатят мне больше, чем обычно. Словно подслушав эти мысли, Сенечка продолжил:

– Естественно, и гонорар соответственный.

– Какой?

– Сто долларов в день.

Что ж, совсем неплохо, но вот что придется делать за эти деньги?

– Особых хлопот не потребуется. Некая Анна Ремешкова хочет, чтобы ты проследила за ее мужем, причем сделать это надо у них в доме. Госпожа Ремешкова занимается бизнесом, часто разъезжает по командировкам, а муж ее – человек творческий, художник, существо увлекающееся, натурщицы всякие ходят. Сама понимаешь.

«Алиби» официально оформлено как сыскное агентство, и к нам частенько обращаются люди с подобными просьбами, только, как правило, Сеня старается отвадить таких клиентов. И почему он назвал задание эксклюзивным? Самая обычная рутина, только зарплата, положенная мне, выше обычной, что довольно странно.

– Эта самая Анна – лучшая подруга Леки, – со вздохом сообщил Сеня.

Все сразу стало на свои места. Лека, Ольга Гаврилова, третьесортная артисточка из мало кому известного театра, – бывшая жена Сени. Развелись они года три тому назад, и Сенечка до сих пор шарахается от баб, как от чумы. Примерно раз в неделю Лека заявляется в контору и устраивает жуткий скандал, требуя у бывшего мужа деньги. Она пребывает в твердой уверенности, что он, несмотря на полный разрыв, обязан содержать ее до гроба. Гребнев – человек мягкий, любящий решать все конфликты миром, поэтому ему легче заплатить, чем ругаться с базарной бабой.

– Понятно, – улыбнулась я.

Сеня развел руками:

– Ну извини, Анна – еще та штучка. Боюсь, кроме тебя, ее никто не сумеет выдержать, а ты, с твоим умом и...

– Ладно, Сенечка, – прервала я хозяина, – под каким видом проникать в дом?

– Им нужна домработница, – ответил Сенья, – прежнюю Анна с треском выгнала, заявив, что она хамка.

Я аккуратно поставила бокал на стол. Домработница так домработница, мне, собственно говоря, все равно.

Глава 2

Утром, не успев проснуться, я подлетела к балконной двери и глянула на улицу. Шел крупный, просто новогодний снег, пейзаж больше напоминал январь, чем апрель. Но кенгуру на балконе не было. Убедившись в собственной нормальности, я быстро оделась, просто и неброско, и помчалась к госпоже Ремешковой.

Жила удачливая бизнесменша недалеко от метро «Киевская», в красивом доме из светлого кирпича. Нужная квартира располагалась на седьмом этаже. Не успела я позвонить, как на пороге возникла полная девица в весьма экзотическом наряде. Верхняя часть ее фигуры была обтянута ядовито-зеленой кофточкой с блестками, нижняя втиснута в розовые брючки-капри с вышитыми отворотами.

– Чего надо? – не очень вежливо поинтересовалась девушка и прищурилась.

– Анну Николаевну Ремешкову, – смиренно ответила я.

– Ма, – завопила отроковица, – к тебе какая-то нищенка явилась.

– Иду, – раздалось хрипловатое меццо, и в коридор вышла дама.

При виде ее я сначала испугалась, но потом постаралась взять себя в руки. Представьте, что на вас надвигается стог сена двухметровой высоты и такой же ширины. Сходство с пожухлой травой навевали волосы дамы-монстра. Кудри у нее были выкрашены самым невероятным образом – у корней светло-коричневые, посередине желтоватые, на концах почти белые. Так выглядит начинающая подгнивать солома. И одета она была «восхитительно». Тучный, похожий на арбуз зад обтягивали такие же, как у дочери, брючки, только не розовые, а ядовито-зеленые. Невероятный бюст, напоминающий все те же астраханские арбузы, только размером поменьше, угрожающе выпирал из ажурной кофточки. На шее сверкала цепь, в ушах блистали слитки золота, а пухлые запястья крепко обхватывали массивные, как наручники, браслеты.

– Ты, что ли, новая прислуга? – отрывисто поинтересовалась хозяйка и, не дождавшись ответа, приказала: – Ботинки сымай и иди на кухню.

Я покорно выполнила приказ. Ремешкова плюхнулась на диванчик, налила себе чай и рявкнула:

– Значит, слушай! Готовить что велю, убирать, стирать, гладить. Ежели сопрешь чего – найду и удавлю.

Я отметила, что «хозяйка» не предложила мне разделить с ней чаепитие, и, подвинув табуретку, тихо, но весьма категорично сказала:

– Надеюсь, вы понимаете, что я совершенно не собираюсь вести ваше домашнее хозяйство, насколько знаю, в мои обязанности входит проследить за вашим супругом.

– Да тише ты, – шикнула Анна, – готовить можешь?

– Ну, я, конечно, не шеф-повар «Арагви»...

– А нам такого и не надо, – заржала хозяйка, – люди мы простые, едим как все, лишь бы чисто да сытно. Не дрейфь, становись к плите, а на уборку я другую найму. Только имей в виду, ежели чего сопрешь, мало не покажется.

Я посмотрела в ее крохотные голубенькие глазки, похожие на две кнопки по обе стороны толстого картофелеобразного носа, и неожиданно спросила:

– Чем торгуете?

– Шмотками, – охотно пояснила Аня, – исключительного качества. Во, гляди.

И она вытянула вперед ногу, похожую на конечность бегемота.

– Видала, какие бриджики? Класс, фирма, на фабрике берем, чай, не гнилыми нитками шиты. Другие знаешь как делают? Говна накупят и людям продают, а сами в приличном месте прибарахляются. А у меня все честно – что покупателям везу, в том и сама хожу. Я вот тебя научу, – неожиданно улыбнулась она, – пойдешь брать шмотье на рынок – на торговца гляди. Ежели в своем сидит – порядок, а ежели в другом – проходи мимо. Брюки-то у тебя дешевле некуда, на Черкизовском брала?

Я кивнула.

– Дрянь, – резюмировала Аня, – им красная цена три бакса, а тебе небось за тысячу впарили.

Удивившись ее пронительности, я ответила:

– За девятьсот.

– Ага, – хмыкнула хозяйка, – имей в виду, поможешь мне, поймашь муженька-козла на бабе, завалю тебя шмотками по оптовой цене. Будешь лучше всех одета за смешные копейки, усекла? Я тех, кто меня выручает, не забываю.

Подавив легкий смешок, я посмотрела в ее полное, по-крестьянски хитрое лицо. Что-то везет мне в последнее время на представителей российского торгового бизнеса. То форель обещают, то жуткие вещички.

Через неделю я стала в доме своим человеком и изучила всех членов семьи. Собственно говоря, было их всего трое – Аня, ее дочь от первого брака Ирина и супруг Борис Львович Лямин, заподозренный в неверности.

И если Аня и Ира были, так сказать, птицы из одной стаи (семнадцатилетняя Ирочка являлась просто копией матери), то Борис Львович принадлежал к иной категории. Образно говоря, Аня и Ира – перчатки, а Борис Львович – сапог. Что лучше, перчатка или сапог? Глупо сравнивать, каждая вещь нужна, но вместе они не пара.

Худой, даже тощий Борис Львович в основном пропадал в своей мастерской. Мне было строго-настрого запрещено трогать там даже обрывки валявшейся на полу бумаги.

Аня и Ирина обожали поесть, причем предпочитали жирные, тяжелые блюда – гороховый суп из копченых ребрышек, свиные отбивные, жаренную на сале картошку, шоколадное мороженое, взбитые сливки, бананы... Всю еду они щедро сдабривали сливочным маслом и топили в майонезе. Никаких переживаний по поводу фигуры мои хозяйки не испытывали и со спокойной душой ложились в кровать с коробкой конфет. Печень у них, очевидно, была из железа, а желудок – из оргстекла, потому что, поглотив невероятное количество жратвы, они никогда не жаловались на неприятные ощущения и не пили горстями ношпу, мезим или фестал. Да и цвет лица у них был нежный, персиковый, свидетельствующий о великолепном пищеварении.

Борис Львович мучился гастритом, для него я заваривала скользкие каши и готовила в термосе отвар из кукурузных рыльцев.

Аня и Ира с восхищением смотрели фильмы со стрельбой и погонями, впрочем, не брезговали они и порнушкой. Борис Львович наслаждался фильмами Бергмана и Люка Бессона.

Дамы с упоением поглощали любовные романы, обожали желтую прессу типа «Скандалов», «Мегаполиса», «СПИД-Инфо». А Лямин держал на прикроватной тумбочке томик Чехова и газету «Коммерсантъ».

И так во всем. Женщины ложились спать в одиннадцать, а художник засиживался до двух, Аня могла три дня подряд носить одну и ту же кофточку, Борис Львович мылся по сто раз на дню... Оставалось лишь удивляться, как они вообще свели знакомство друг с другом и ухитрились прожить вместе почти пять лет.

Впрочем, думается, Борис Львович просто находился у Ани на содержании. Его непонятные картины в темно-серых тонах вызывали у меня чувство вселенской тоски. Несколько раз к художнику при мне приходили покупатели, но спустя полчаса они прощались, так ничего и не купив. Очевидно, произведения Бориса Львовича навевали меланхолию не только на меня.

У Ани же дела шли прекрасно. Надо сказать, что она при ближайшем знакомстве оказалась не такой уж противной, просто плохо воспитанная бабища, которой неожиданно попер фарт.

Ирина заканчивала школу. К слову сказать, отчима она на дух не переносила. Но он сам во многом был виноват. Например, на днях, когда Ирина вышла к завтраку в обтягивающем ярко-красном платье, синих колготах и нежно-зеленом жакете, Борис Львович робко проблеял:

– Мне кажется, детка, ты одета слегка не в тон.

– Ну и что теперь, в коричневом ходить, как разные придурки? – окрысилась Ирочка.

– Нет, – не успокаивался «папенька», – просто сними либо колготы, либо жакет, а то ты похожа на попугая.

– Теперь так носят, – буркнула Аня, набивая рот жирной сырковой массой.

– Ага, – хмыкнул муж, оглядывая прикид жены.

В тот день мадам Ремешкова нарядилась в ядовито-лазурное платье с розовым кантом и оранжевый пиджак, на лацкане которого белела искусственная орхидея.

– Не нравится? – ухмыльнулась Аня.

– Нет, – отрезал супруг, – выглядит отвратительно, и потом, с твоей фигурой просто нельзя носить ничего подобного. Пойми, женщины скрывают недостатки, а ты их выпячиваешь.

– У меня нет недостатков, – хихикнула Аня и навалила себе гору из яичницы с беконом и жареным луком.

– Ладно, – вздохнул художник, – пойду работать.

Легким, неслышным шагом он вышел в коридор. Ирина проводила скептическим взглядом его худую, слегка сутулую фигуру и по-детски бестактно спросила:

– Мам, а за каким чертом ты с ним живешь, ну какая от него, козла, польза?

Через четыре дня я доложила Сене, что задание выполнено. Собственно говоря, поймать Бориса Львовича оказалось проще простого, как конфетку у малыша отнять.

Утром Ирина уехала в школу, Аня отправилась инспектировать свои торговые точки. Я же подошла к художнику, потупив глазки, и заныла:

– Борис Львович, очень вас прошу...

Живописец оторвался от мольберта, отложил перемазанную серой краской кисть и спросил:

– Что случилось, голубушка?

– Да сын руку сломал, надо везти в больницу. Отпустите меня, пожалуйста. Обед готов, ужин тоже, а к семи я вернусь.

– Конечно, душечка, – воскликнул хозяин, – что за вопрос, естественно, езжайте! Ребенок прежде всего. Зачем вам вечером возвращаться, я предупрежу Аню.

– Пожалуйста, – тихо произнесла я, – не говорите Анне Николаевне ни слова, она у меня из зарплаты вычитет, а деньги знаете как нужны! Ну, пожалуйста, хозяйка не узнает, умоляю вас.

Борис Львович замахал руками:

– Только не плачьте. Конечно, бегите скорей, я буду нем, как могила.

– Вот только пол на кухне вымою, – пообещала я и понеслась по коридору.

Через пару минут на базе заморгала зеленая лампочка, и я поняла, что птичка попала в западню. Художник явно звонил своей даме сердца, чтобы сообщить об удачно складывающихся обстоятельствах.

Спустя четверть часа я крикнула:

– Борис Львович, меня уже нет!..

– Давайте, душенька, – отозвался художник, – только помните, что Анюта в восемь явится.

Я демонстративно громко хлопнула дверью, вышла на лестничную клетку, но вместо того, чтобы спуститься на первый этаж, поднялась на один пролет и устроилась на подоконнике.

Время шло, наконец с шумом приехал лифт, раздалось бодрое цоканье каблучков, потом послышалась трель звонка, и приятный девичий голосок спросил:

– Боренька, а ты уверен, что мы будем одни?

– Конечно, лапочка, – отозвался художник, – жабы явятся только к ужину, а у прислуги, слава богу, ребенок руку сломал.

Дверь хлопнула, я усмехнулась и побежала вниз. Ну и чудесно все складывается! Пусть Борис Львович преспокойненько развлекается. Кажется, моя миссия подходит к концу. А где доказательства, спросите вы. За этим дело не станет. В мастерской художника на полках томится целая куча всяких предметов –

глиняные вазы, гипсовые уши, керамические фигурки. Одна из чашек, стоящая среди десятка себе подобных, не простая. Это очень хитрый фотоаппарат. Рассчитан он на сутки работы. Один раз заводите механизм – и дело с концом. Один раз в установленное время крохотный затвор неслышно щелкает, и на пленке остается компрометирующий кадр. Впрочем, режим работы камеры можно предусмотреть любой. Сегодня после завтрака я установила его на шесть часов, а съемка будет проходить через каждые пятнадцать минут. Надеюсь, что Борис Львович не потащит любовницу в спальню, да и незачем ему это делать – в мастерской стоит такая удобная двуспальная тахта...

Радостно насвистывая, я добралась до метро. Отлично все складывается, использую образовавшийся в работе перерыв на всю катушку.

Прикупив на дешевом Киевском рынке кучу вкусностей, я помчалась домой, сейчас побалую своих славным обедом.

Кирюшка и Лиза гуляли с собаками. С нашей стаей непросто. Если выходить с псами по одному, то как установить очередь? Оставшиеся дома от злости и негодования обязательно набезобразничают. Поэтому прогулка превращается в целое представление. Кирюша, как самый сильный, берет семидесятикилограммовую Рейчел, Лиза прихватывает Рамика и Мулю, Ада гуляет без поводка, она послушная и довольно трусливая. При малейшем шорохе прижимается к земле и трясется. Ей и в голову не придет шмыгнуть в дырку под забором и улепетнуть от хозяев. Правда, Рейчел тоже послушна и спокойна, зато Рамик и Муля настоящие пройды. Стоит расстегнуть ошейник, как один моментально испаряется в неизвестном направлении, а вторая пулей летит к мусорным бачкам и быстро-быстро сжирает все, что вывалилось из них на землю. Только не подумайте, бога ради, будто мы морим ее голодом. Тучная Мулечка ест три раза в день, хотя собачек ее возраста принято кормить дважды.

– Лампуша пришла! – завопил увидевший меня Кирюша.

Рейчел медленно подняла морду, Ада тихонько взвизгнула, а Муля и Рамик яростно заскребли лапами, пытаясь кинуться мне на шею.

– Поставь сумки, – крикнул Кирка, – я донесу!

Он побежал мне навстречу, Рейчел лениво трусила рядом. Лиза тоже обрадованно улыбнулась и кинулась наперерез мальчику. Впереди, натянув поводки, галопировали Муля и Рамик, все они неумолимо приближались друг к другу.

– Эй, – попыталась я остановить их, – потише, сейчас упадете.

Но мое предупреждение прозвучало слишком поздно. Все произошло мгновенно и почти бесшумно, словно в немым кино. Внезапно Муля совершила настоящий хоккейный подкат под Кирюшку. Чтобы не наступить с размаха на жирненькое тельце мопсихи, мальчик перепрыгнул через нее и тут же споткнулся о поводок Рамика.

– Осторожно! – заорала я, но опоздала.

Кирюша шлепнулся на обледенелую землю, не добежав до меня двух шагов. Я кинулась его поднимать. Но сначала пришлось отпихнуть яростно радующихся Мулю, Аду и Рамика. Рейчел, если она не желает двигаться, стронуть с места невозможно, поэтому через нее я просто перепрыгнула.

Кирюшка сидел, как-то странно вытянув руку.

– Больно, – прошептал он.

Я взглянула в его побледневшее лицо и поняла, что, очевидно, больно ужасно, Кирюшка находился на грани обморока.

Дома мы с Лизой аккуратно стащили с него курточку и увидели, что рука от запястья до локтя угрожающе раздувается просто на глазах. Огромный синяк проявился тоже мгновенно. Только что кожа была чуть розоватой, через секунду покраснела, потом посинела.

– Немедленно в Филатовскую больницу, – скомандовала я.

Кирюшка покорно кивнул, а Лиза заревела.

– Не плачь, Лизавета, – бодрым тоном произнес Кирка, – и не больно совсем, зато теперь в школу не пойду, каникулы!

Я хмыкнула и понеслась в спальню, чтобы достать из шкафа деньги. Страховая медицина, конечно, хорошая штука, но, думается, приятно хрустящая бумажка обяжет доктора быть повнимательней.

В спешке роняя на пол постельное белье, я вытащила припасенную заначку и услышала легкий стук. На балконе вновь стояла кенгуру.

– Пошла прочь, – велела я, – не до тебя, ей-богу.

В Филатовской больнице нам незамедлительно поставили диагноз – перелом, по счастью, самый обычный, закрытый, без смещения. Толстая медсестра ловко наложила гипс и вручила мне «Памятку родителям по уходу за ребенком с травмированными конечностями».

– Дай сюда, – попросил Кирка и вырвал из моих рук желтоватый листочек. – Ой, Лизка, глянь, кайф! Щадящий режим, диета обычная и никакой школы!

Я заглянула в «Памятку».

– Э, нет, дружок! Тут сказано – «дети с травмированными нижними конечностями занятий не посещают». У тебя пострадала верхняя.

– Ну, Лампуша, – заныл Кирка, – хоть один денечек завтра!

Не в силах отказать, я согласилась:

– Хорошо, но только завтра.

– Клево! – завопил Кирка и тут же, поскользнувшись, рухнул на асфальт прямо у будки охранника, стерегущего въезд в Филатовскую больницу.

– Давай, парень, – одобрил секьюрити, – теперь весь поломайся! Будет у тебя не только бриллиантовая рука, но и костяная нога.

– Кирюша! – в один голос закричали мы с Лизой.

– А чего, – забормотал он, – и ничего, подумаешь, упал!

– Проснулся, а там гипс, – радовался сторож.

– Держи его со здоровой стороны, – велела я Лизе и посмотрела на часы.

Полседьмого! Пора на работу. Нет. Больше никогда не буду врать ничего, что связано со здоровьем. Стоило придумать про перелом – и вот он, пожалуйста, в наличии.

Когда мы добежали до метро «Маяковская», я спросила:

– Сами домой доедете?

– Без проблем, – ответила Лиза.

Но Кирюша горестно вздохнул и прорычал:

– Рука болит, жуть.

– Ничего, миленький, – попыталась я утешить неудачника, – выпей анальгин, скоро успокоится.

– Прикинь, какое горе, – стонал Кирка, – рука-то левая! И мне кажется, что боль пройдет, если мы с Лизаветой съедим по булочке вот отсюда!

Я проследила за его указательным пальцем с обгрызенным ногтем и увидела вывеску – «Кондитерская «Делифранс», вход через Зал Чайковского».

Надо же, как изменились времена! В начале 80-х я иногда приходила в этот зал, правда, со стороны улицы Горького, через актерский вход. Так вот, и музыканты, и зрители, явившиеся на концерт, были крайне недовольны. Тогдашний директор зала закрыл один-разъединственный буфет, где тихо торговали бутербродами с засохшим сыром и противной жирной копченой колбасой.

Мотивировал свое решение он просто:

– Нечего цитадель искусства превращать в харчевню. Люди должны здесь наслаждаться музыкой, а не жрать хлеб и пить лимонад. Симфония и колбаса несовместимы.

Мы вошли в просторный вестибюль, и я невольно присвистнула. Да, похоже, с искусством в цитадели классической музыки покончено навсегда. В холле вольготно существовали целых три ресторана. В одном подавали мороженое, в другом – кофе, в третьем – сок.

Но Кирюшка и Лиза поволокли меня к булочкам. При взгляде на ценники у меня помутилось сознание. Корзиночка с фруктами – семьдесят рублей, булочка с клубникой тянула на полсотни, крохотный круассан стоил тридцать пять. Дети тоже слегка присмирели, но сзади уже набежал народ, и мы постеснялись расталкивать толпу.

– Возьми нам два «конвертика» с сыром по сорок рублей, – шепнула Лиза, – и бежим отсюда.

Я кивнула. Прямо перед нами стояла хорошо одетая пара. Дама неопределенных лет и девочка примерно Лизиною возраста в бархатной курточке и кожаных брючках.

– Вот это хочу, – капризно протянула девица, тыча наманикюренным пальцем в сторону дорогуших пирожных.

– Пять со взбитыми сливками, четыре с клубникой, шесть с вишней, – принялась перечислять мамаша.

Буфетчица начала аккуратно укладывать лакомства в фирменные коробочки. Внезапно Кирюшка вздохнул и с завистью произнес:

– Небось вкусные вон те, с желе!

– Да тише ты, – шикнула Лиза и дернула его за рукав, – нам такое не по карману.

Кирюша быстро глянул на меня и затарахтел:

– А и не хочется вовсе, потом живот заболит, крема очень много... Лучше вон те, с сыром!

Девочка в брючках повернулась, окинула взглядом Кирюшу и Лизу, презрительно хмыкнула и приказала:

– А еще с малиной, бананами, ежевикой и смородиной... Ну и с сыром, дешевеньких.

– Конечно, – согласилась мамаша.

– Что желаете? – обратилась ко мне другая продавщица.

Чувствуя, как тяжелая злоба начинает туманить мозги, я рявкнула:

– Шесть корзиночек со взбитыми сливками, пять пирожных с клубникой, семь с вишней...

– Эй, Лампа, ты чего, – прошептала Лиза, – лучше с сыром.

– И десять с сыром, – припечатала я, – впрочем, положите еще и эти с маком и вон те с ежевикой.

– Всех по десять? – поинтересовалась девушка.

– Да, именно по десять!

Когда счастливые дети, обвешанные коробочками и кулками, исчезли в поезде, я, вздохнув, перешла на другую сторону платформы и стала дожидаться своего поезда. Я категорически не хочу, чтобы Лиза и Кирюша выросли ущербными, с менталитетом нищего человека, у родителей которого не было денег, чтобы купить ребенку булочку. Правда, следует признать, что выпечка омерзительно дорогая, хорошо еще, что в моем кошельке лежала крупная сумма. Я носила с собой деньги на всякий случай, потому что хотела купить перчатки на меху, да все не попадались подходящие. И потом, эта девчонка в кожаных штанах так

противно ухмылялась!

Сев в поезд, я раскрыла детектив и подумала: «Черт с ними, с перчатками, зима-то кончилась».

Глава 3

На следующий день, где-то около полудня, мы с Сеней в задумчивости разглядывали снимки. Голый Борис Львович выглядел не лучшим образом, руки и ноги тощие, кожа бледная, на спине какие-то то ли прыщи, то ли пятна. Зато дама просто красotka. Идеальная фигура с тонкой талией и высокой грудью, длинные ноги и никакой болезненной худобы профессиональных моделей. Не спорю, на вешалке платье выглядит лучше всего, но в обнаженном виде всякие Кейт Мосс просто отвратительны, больше всего они напоминают строительную арматуру, из бетонных кусков которой торчат железные прутья.

Но любовница моего хозяина смотрелась расчудесно: всего у нее было в меру – и округлостей, и стройности.

– Знаешь ее? – поинтересовался Сеня.

Я внимательно всмотрелась в личико красоти.

– Нет, ни разу не встречала.

– Хорошенькая, – оценил хозяин и бросил снимки на стол, – все при ней.

– Мне можно больше не ходить к Ремешковой? – обрадовалась я.

– Анька просила, чтобы ты еще поработала недельку.

– Зачем?

Сеня пожал плечами.

– Хочет убедиться, что краля у мужика одна.

Я с сомнением покосилась на изображение тощего Бориса Львовича. Нет, он мало смахивает на страстного донжуана, хотя кто его знает...

– Анька сегодня сюда явится, я ей фотки и покажу, – сообщил Сеня, – а ты ноги в руки – и вперед.

В субботу Борис Львович праздновал день рождения. По такому поводу были званы гости. Двое художников, Андрей Корчагин и Никита Малышев, с женами, очень томная дама неопределенного возраста, кокетливо закатывающая глаза и откликающаяся на кличку Зюка, и мужик с манерами генерала Лебеда, чье имя и отчество мне сразу узнать не удалось.

Сначала вручали подарки «новорожденному». Борис Львович получил от художников бутылку коньяка «Отар» и пятилитровую сувенирную упаковку виски «Ред Лебел». Зюка, присюсюкивая, преподнесла альбом «Лувр», а грубоватый мужик – одеколон неизвестной фирмы, зато редкой вонючести. Любопытная Ирочка моментально распечатала упаковку, и по комнате поплыл тяжелый аромат, которым отличаются от дорогого парфюма египетские подделки.

Дамы выглядели блестяще. Причем в настоящем смысле этого слова. Аня нацепила малиновое платье с люрексом. Оно было сшито «под горлышко», к тому же хозяйка обмотала шею золотыми цепями. Блеск украшений сливался с сиянием люрекса. Ирочка влезла в обтягивающий до неприличия светло-лазурный костюм-стрейч. Девочка явно тяготела к голубому цвету. На ее мощной груди переливалась всеми цветами радуги бриллиантовая брошь, а мочки ушей оттягивали дорогие серьги.

Но я не отрывала глаз от дамы, пришедшей с художниками, а точнее, от жены Никиты – Жанны. Не было никаких сомнений в том, что мой фотоаппарат запечатлел именно эту очаровательную блондиночку. Подавая на стол горячее, я думала: ну что заставило хорошенькую, молоденькую девочку выбрать себе в любовники Бориса Львовича? Ее муж Никита выглядел намного импозантнее – красивый, фигуристый парень чуть за тридцать. А моему хозяину сегодня стукнуло пятьдесят два. И еще очень удивляло поведение Ани. Насколько я заметила, она не привыкла сдерживать эмоции. Стоило ей чуть понервничать,

как в доме начинали летать столы, стулья и биться посуда. Честно говоря, увидав, как хорошенькая Жанна, одетая в элегантный брючный костюм цвета топленого молока, входит в гостиную, я чуть-чуть струхнула, решив, что сейчас Анна завопит и опустит ей на голову поднос, где горой расположились экзотические фрукты – киви, манго и бананы.

Но Аня с улыбкой обняла Жанну и весело сказала:

– Отличный костюмчик, чай, не рыночный.

– Нет, – улыбнулась Жанна и быстро добавила: – Хотя и на рынках часто попадаются великолепные вещи.

Она явно не хотела обижать хозяйку. Словом, все были милы, приветливы и радостно-оживленны. За столом текла легкая беседа ни о чем. Жанна и Валерия, жена Андрея Корчагина, ели мало, в основном накладывали на тарелки салат из овощей. От запеченной свинины они отказались, не притронулись и к картошке.

К кофе подали коньяк и ликер. Жанна горестно вздохнула:

– «Айриш Крим», мой любимый!

– Так в чем же дело, выпей! – улыбнулся Борис Львович.

– Слишком калорийно, – протянула Жанна, – боюсь поправиться.

Никита усмехнулся:

– По-моему, у тебя самая настоящая мания похудения.

– Один разочек можно забыть о диете, – хмыкнул Борис Львович.

Аня же спокойно взяла со стола рюмку, стоявшую рядом с прибором Жанны, и, наполнив ее доверху светло-кофейной жидкостью, с милой улыбкой протянула ей:

– Давай за день рождения.

– Ну, только ради Бориса Львовича, – продолжала кривляться та.

– Да ладно тебе, – усмехнулась Аня, – и так за грабли спрятаться можешь, пей со спокойной душой. Между прочим, только для тебя и покупала, остальные эту сладкую липучку терпеть не могут.

– Точно, – хором отозвались мужчины, – коньяк лучше.

– А мне больше по вкусу виски, – сообщила Валерия. – «Айриш Крим» какой-то странный, вроде молока с водкой.

– Ничего вы не понимаете, – фыркнула Жанна, – коньяк, виски, еще скажите – самогон. Благороднейший напиток этот ликер, для людей с тонким вкусом.

– Можно мне попробовать? – попросила Ирочка.

– Нет, – неожиданно резко ответила мать, – он для тебя слишком крепкий.

Ирина, не привыкшая, что ей в чем-то отказывают, обиженно заморгала и собралась зануть, но тут Жанна понюхала рюмку и сообщила:

– Пахнет странновато, словно «Амаретто».

– Да ну? – изумилась Аня и поднесла бутылку к носу. – Нет, он всегда такой. Да ты попробуй, я в супермаркете брала.

Жанночка быстро опустошила рюмку и замерла со странно выпученными глазами и полуоткрытым ртом.

– Что, – ухмыльнулся Никита, – так вкусно? До остолбенения?

Борис Львович, Аня и Андрей засмеялись. Но Жанна как-то вульгарно икнула, изо рта у нее потекла блестящая струйка слюны. Через секунду она громко вскрикнула, странно дернулась, попыталась вздохнуть и рухнула на пол,

неловко, тяжело, не сгибая колен, просто сверзлась с высоты собственного роста. Так валится человек, внезапно теряющий сознание. Падая, Жанночка ударилась о большую бронзовую фигуру, представлявшую собой то ли Купидона, то ли Амура, то ли просто ангелочка. Вмиг на дорогой синий ковер хлынула кровь. Красное пятно быстро расплзлось под затылком несчастной.

– Жанна! – закричал Никита и бросился к жене. Он схватил ее за плечи и потребовал: – Немедленно отвечай, тебе плохо?

– Господи, какой ужас, – прошептала Валерия, – я сейчас в обморок упаду.

Белый, как лист писчей бумаги, Борис Львович тяжело опустился на стул и машинально ухватился за бутылку «Айриш Крим».

– Не трогайте ликер, – приказала я суровым тоном, моментально забыв про роль забитой домработницы.

– Почему? – спросил Андрей.

– До приезда специальной бригады не стоит ничего трогать, – ответила я.

– К-к-какой бригады? – заикаясь, спросила Валерия.

Никита, сидевший возле безжизненно лежащей Жанны, внезапно поднял растерянное лицо. Его рубашка была вся заляпана кровью жены, багровые пятна покрывали руки и брюки.

– Вызовите «Скорую помощь», – опомнилась Ира, – скорей, реанимацию!

Я посмотрела на неподвижно лежащую Жанну. Широко открытые глаза неподвижно смотрели в потолок, брезгливо искривившийся рот был открыт... Преодолевая ужас, я приблизилась и положила руку на шею тела, которое еще пять минут тому назад было веселой, кокетливой Жанной. Пульса на сонной артерии не было.

– Нет, – пробормотала я, – нужно сначала вызвать милицию.

Спустя час квартиру Ани невозможно было узнать. Повсюду расхаживали деловитые люди, равнодушно и споро делавшие свою работу. Труп не торопились двигать. Тело обвели жирной меловой чертой, всех присутствующих выгнали из гостиной в спальню хозяев, и мы сидели на широченной кровати, как стая вспугнутых птиц. Потом в комнату вошел молодой человек и приятным, хорошо поставленным голосом произнес:

– Я Сипелов Максим Иванович. Сейчас быстренько вас опрошу, а завтра прошу в отделение...

– Хочу сделать заявление, – неожиданно сказал Борис Львович.

– Слушаю, – моментально отреагировал Максим Иванович.

– Жанну убила моя жена, Анна Николаевна Ремешкова, – тихим, но безапелляционным тоном заявил художник.

– Ой, – проронила Валерия.

– О...ел совсем! – взвизгнула Аня. – Ума лишился!

– Нет, – протянул Борис Львович. – А вы, молодой человек, пишите, у вас ручка есть?

Максим Иванович вытащил из портфеля планшет с листом бумаги и спросил:

– Имя, фамилия, отчество?

– Это потом, – отмахнулся Борис Львович, – вы о деле послушайте. Анька совсем рехнулась от ревности и наняла вот эту даму следить за мной.

Все присутствующие разом повернули головы и уставились на меня.

– Так, – протянул милиционер, – продолжайте.

– Идиот! – завопила Аня.

– Потише, гражданочка, – велел Максим Иванович, – не мешайте исполнению.

– Да ты, мент позорный, – моментально отреагировала Ирочка, – не видишь, что ли, у мудака крыша съехала!

Максим Иванович уставился на девушку. Он был очень молод. Круглые детские щеки покрывал мягкий пух, скорее всего «Шерлок Холмс» не успел еще отпраздновать двадцатипятилетие, и звать его по отчеству не хотелось, не тянул он пока на Ивановича.

– Я полностью владею собой, – прошипел Борис Львович и резко спросил меня: – Ну что, скажете вру?

– Вы и в самом деле домработница?

Я растерянно покачала головой.

– Во блин, – выдохнул Андрей.

А Валерия, сидевшая возле меня на огромной кровати, брезгливо подобрала платье, отодвинулась подальше.

– Козел! – завопила Аня.

– Заткнись, убийца, – спокойно парировал Борис Львович.

– Не смей маме такое говорить, скунс вонючий! – взвизгнула Ирочка.

– Молчи, дрянь, – побагровел именинник.

– Сволочь, подонок! – визжала Аня.

Потом от «цивилизованных» ругательств она перешла к непечатным выражениям.

– Тише, граждане, тише, – попробовал навести порядок Максим Иванович, но тщетно, его никто не слушал.

Сильной рукой Аня подхватила крохотный, но тяжелый пуфик и со всего размаха метнула его в муженька. Пуф просвистел в полусантиметре от головы Бориса Львовича и с треском влетел в огромное трюмо. Раздался оглушительный звон, и на пол дождем хлынули зеркальные осколки.

– Прекратите немедленно! – вспыхнул Максим Иванович. – Граждане, ведите себя прилично.

– Пошел ты, козел сраный, – отпихнула его Ирочка и запулила в «папеньку» подушкой.

Она угодила Борису Львовичу прямо в лицо.

– Сука! – заверещал тот. – Ах ты, шалава подзаборная!

– Не трогай ребенка! – взвилась Аня и, подскочив к супругу, отвесила ему полновесную звонкую оплеуху.

Муж не остался в долгу и ухватил «любимую» жену за волосы. Началась драка.

– Немедленно остановитесь! – пытался командовать Максим Иванович.

Но никто из присутствующих не собирался его слушать. Валерия бросилась растаскивать дерущихся.

– Отстань, – велела Аня и толкнула ее.

Та с визгом шлепнулась на четвереньки.

– Не трогай мою жену! – заорал Андрей и стукнул Аню по спине.

Теперь дрались уже четверо.

– Сделайте что-нибудь, – стонала Зюка, – разнимите их.

– А ну молчать! – гаркнул мужик, похожий на генерала Лебеда.

Потом он вытащил откуда-то огромный черный пистолет и пальнул в потолок. На кровать хлынул поток мелких стекляшек, хрустальная люстра разом лишилась своих вульгарных висюлек.

Воцарилась тишина.

– Боже, мое лицо, – всхлипнула Зюка.

Потом повернулась ко мне и спросила:

– Посмотрите, нет ли ссадин?

Я окинула взглядом ее подозрительно ровную, лишенную морщин явно оперативным путем физиономию и заверила:

– Полный порядок.

– Слава богу, – проямлила Зюка, – я чуть с ума не сошла от ужаса! Не дай бог порезать кожу! Потом не восстановится, придется на шлифовку ложиться!

Дрожащими пальцами она принялась ощупывать лоб, щеки и подбородок. Остальные, тяжело дыша, не произносили ни слова. Я смотрела на вспотевшую Ирочку, рыдающую Валерию, растрепанную Аню, красного Бориса Львовича и обозленного Андрея... Да уж, поцарапанная морда – это не самое плохое, что приключилось за последние два часа. И что за придурок этот милиционер! Ну почему он молчит, когда наконец все заткнулись?

Внезапно Максим Иванович отмер, тряхнул волосами и, глядя на высыпающиеся из кудрей осколки стекла, спросил:

– У вас есть разрешение на оружие?

– Итить твою налево, парень, – вздохнул «Лебедь». – А там, среди тех, кто место происхождения осматривает, нет ли кого постарше?

Глава 4

На следующий день, где-то в районе полудня, я сидела в кабинете следователя Еремина Анатолия Сергеевича. Парень выглядел тоже молодо, но на лице его не было застывшей гримасы описавшегося щенка. Наверное, он всего на год-другой старше Максима Ивановича. Но именно этот год и сделал его опытным, хоть и молодым, профессионалом. Мне пришлось рассказать Анатолию про «Алиби». Я ничем не рисковала, агентство зарегистрировано было по всем правилам, а я оформлена на работу совершенно официально. Еремин отнесся ко мне великолепно, угостил отвратительным чаем «Пиквик» и почему – то был предельно откровенен.

Ситуация складывалась для Ани наихудшим образом.

– Она знала, кто любовница мужа? – поинтересовался Анатолий.

– До того, как получила фотографии, нет.

– Она видела снимки?

– Не могу утверждать, но хозяин агентства сказал, что ей покажет. Вы у него узнайте.

– Обязательно, – заверил следователь. – А «Айриш Крим» кто-нибудь еще пил?

– Нет. Гости все терпеть не могли этот ликер. Аня обронила фразу, что она специально для Жанны купила бутылку. А отчего погибла Малышева? Неужели от удара?

– В рюмке с ликером обнаружен цианистый калий, – спокойно пояснил милиционер, – причем в таком количестве, что хватит на полнаселения Китая. Понятно? Падала она уже мертвая, двух секунд хватило, чтобы «коньки»

отбросить. А отравила напиток гражданка Ремешкова.

Он стал излагать свое видение событий, я молча слушала парня, крутя в руках связку ключей. Аргументы следователя выглядели очень логично. Хотя логика – такая странная вещь!

Неизвестно зачем, нам, студентам консерватории, преподавали логику. Стоит ли упоминать о том, что сдавать сей совершенно чуждый артистическим натурам предмет мы ходили по десять раз. Я переплюнула всех, ровно семнадцать дней пытаюсь правильно ответить преподавателю, довела его почти до обморока, но ни разу так и не сумела получить даже «удовлетворительно». Сейчас я понимаю, что и педагог был, как говорится, с «левой» резьбой! Поставил бы бедной арфистке тройку, и дело с концом! Нет, он изо всех сил пытался привить мне упорядоченное мышление. Но наша восемнадцатая встреча оказалась роковой.

– Вот что, детка, – пробормотал мужик, – давайте составим силлогизм. Дано следующее: все птицы летают. Воробей летает, следовательно, он птица.

Мне это утверждение показалось глупым – летает еще бабочка, жук, самолет, ракета...

– Ну, – поторопил профессор, – теперь придумайте сами силлогизм, ну?

Однако мне ничего не приходило в голову.

– Ладно, – решил пойти мне навстречу экзаменатор. – Я помогу. Дано: все философы – ученые. Сократ – философ, следовательно, он...

Я молчала.

– Что же вы, голубушка, – горестно вздохнул логик, – напрягитесь. Сократ – философ...

– Следовательно, он птица, – радостно выпалила я, припомнив фразу, которую преподаватель приводил в пример.

Профессор как-то хрюкнул, схватил зачетку и быстро-быстро заполнил странички, потом сказал:

– Голубушка, вот вам «хорошо» за эту сессию, вот четверка за зимнюю, а здесь зачет за следующее лето. Только, пожалуйста, больше никогда не показывайтесь мне на глаза, честно говоря, при виде вас у меня энурез начинается.

Я обиженно сунула в карман зачетную книжку. Зачем он меня оскорбляет? Учил свою логику всю жизнь и теперь зазнается. Посмотрела бы я на него за арфой.

Но с логикой у меня и впрямь было плохо. Однако, даже на мой взгляд, выводы Еремина звучали крайне убедительно. Дело складывалось самым неприятным для Ани образом.

Посудите сами. Сначала она покупает ликер якобы для того, чтобы угостить Жанну. При этом Аня великолепно знает, что никто из гостей даже не прикоснется к «Айриш Крим»! Потом собственноручно наливает рюмку и подносит сопернице, а когда Ирочка решает попробовать разрекламированный Малышевой напиток, мать моментально отбирает у нее бутылку, заявляя:

– Для тебя слишком крепко!

Но Ирина только что, во время ужина, опрокинула две стопки водки, и матушка ничего не сказала дочурке. Только одно объясняло поведение Ани, и это было не слишком выгодно для нее.

– Но зачем бы ей травить Жанну при всех? Не легче ли киллера нанять, ну, машиной задавить, а то цианистый калий... Сразу понятно, что смерть неслучайная.

Еремин хмыкнул:

– Перемудрила немного, небось подумала, что на других свалят, в гостях много народа тусовалось.

Я удрученно молчала. Несмотря на непомерный аппетит, чудовищный вкус и распущенный язык, Аня мне нравилась. В ней чувствовалось какое-то здоровое начало, просто за все годы ей ни разу не пришлось задуматься о смысле жизни или прочитать умную книгу. Может, родился она в другой семье, стала бы иным человеком. И еще мне отчего-то казалось, что Аня не из тех людей, которые бросают друзей в беде.

– Вы ее арестовали?

– За этим дело не станет, – пообещал Анатолий.

Крайне расстроенная, я поехала на работу. Открыла дверь в кабинет Семена и ахнула. По комнате словно Мамай прошел. С огромного письменного стола были сброшены все бумаги, из шкафов выкинуты папки, а монитор компьютера «радовал» глаз разбитым вдребезги экраном. Картину завершали сорванные жалюзи, опрокинутый цветочный горшок и расшвырянные по ковру ручки, ластики, линейки и скрепки.

– Ни фиги себе! – присвистнула я. – Тут что, обыск был?

Сеня, сидевший на корточках возле поверженного телефонного аппарата, пробурчал:

– Хуже. С ментами хоть договориться можно, а здесь бушевала психопатка, патологическая личность Анька Ремешкова! И зачем я только Лельке пообещал, что помогу! Ну дернул черт! Знал ведь, с кем дело буду иметь! Ты только взгляни!

И он начал рассказывать. Если опустить весь мат, которым Сеня щедро пересыпал свою речь, получалась такая картина.

Примерно за час до моего прихода в кабинет Сени влетела потерявшая человеческий облик Аня. Секретаршу Наденьку, тоненькую девушку лет двадцати, баба так шваркнула о стенку, что бедняжке пришлось потом прикладывать к голове лед, приготовленный для клиентов, уважающих виски.

– Гнида! – завопила Аня. – Ты зачем растрепал, что я видела снимки Жанны?

– Но что же мне следовало сказать? – удивился Сеня. – Я тебе их показал.

– Дрянь! – выпалила торговка. – Нет, какая ты дрянь! Немедленно отправляйся в милицию и скажи, что ничего подобного не было. Следователь – идиот, он решил, что я эту дуру отравила.

– Предлагаешь ввести в заблуждение органы дознания? – ухмыльнулся Сеня. – Ну уж нет, сама кашу заварила – сама и расхлебывай, мне с ментами ссориться нельзя.

И тут началось! Словно разъяренный бегемот, Аня принялась крушить кабинет. Сеня попытался урезонить озверелую бабищу, но удержать взбесившиеся сто двадцать килограммов живого веса оказалось ему не по плечу. Милая Анечка была на голову выше субтильного Гребнева, да к тому же и в плечах пошире. Пришлось звать охрану. Но до того как секьюрити вбежали в комнату, лучшая подруга бывшей жены ухитрилась устроить самый настоящий погром. Уже в самом конце, когда Аню тащили в коридор, она ухитрилась вывернуться из объятий крепких парней в форме и зафигачила в компьютер большой шар из яшмы, стоявший на подставке. Этот сувенир преподнес Сене один из благодарных клиентов.

– Она швырнула его, как метатель ядра, – сообщил Сеня. – Ей-богу, рядом с ней олимпийские чемпионы отдыхают. Каменюка-то тяжеленная, килограмма три будет. Ну Анька, ну сука, ровненько в монитор угодила; ты бы слышала, какой звук раздался! Надька как раз из сортира больную голову принесла. Так прикинь, дурында в приемной под стол залезла! Решила, что граната взорвалась!

Он встал и потянулся.

– Ну и денек! А еще насморк замучил, десять дней из носа льет. Давай коньячку хлопнем для успокоения нервной системы.

– Ладно, – согласилась я, – если тебе хочется.

– Мне это всегда помогает, – улыбнулся Сеня и вытащил бутылку, пузатый бокал и восьмигранную хрустальную рюмку.

Из горлышка полилась темно-коричневая струя.

– Ну, давай, – вздохнул Сеня и опрокинул рюмку.

Говорят, есть люди, предчувствующие несчастье. Они не садятся в самолеты и поезда, которым предстоит попасть в аварию, вовремя выходят из обреченных автомобилей и частенько предостерегают друзей и родственников. Но я не из их числа. Ни одна тревожная мысль не пришла мне в голову, пока хозяин делал хороший глоток, никаких дурных предположений не поселилось в душе, и я не стала кричать: «Не пей вина, Гертруда!»

Впрочем, насколько помню, королева из бессмертной пьесы В. Шекспира «Гамлет» не послушалась мужа и ответила: «Простите, но мне хочется, сударь».

За что и была наказана, отравы подействовала на нее мгновенно. Впрочем, и Сеня тут же изменился в лице. Глаза его угрожающе выкатились, и мужик, издав жуткий крик, свалился оземь. Сказать, что я испугалась, это ничего не сказать. Тело действовало быстрее разума. Ноги быстро подбежали к Сене, колени согнулись, руки схватили Гребнева за плечи. В ту же секунду я почувала запах горького миндаля. Как же так!

– Звали меня? – всунулась в дверь растрепанная Наденька.

Правая щека девушки была заметно больше левой. Взгляд секретарши скользнул по мне, потом сфокусировался на лежащем хозяине, и она взвизгнула.

– Ой, чегой-то с ним? Инфаркт?

– Дай телефон, – устало сказала я, – Сеня умер.

Аню арестовали вечером. Скорей всего Еремин побоялся, что, оставаясь на свободе, она отравит еще кого-нибудь.

– Вы с ним пили коньяк? – хмуро поинтересовался серьезный Максим Иванович, осматривая место происшествия.

– Да.

– И ничего?

Я пожала плечами. Дурацкий вопрос, где бы, по мнению этого мальчишки, была я сейчас, окажись в моем фужере цианистый калий? Уж, наверное, не стояла бы перед ним в расстроенных чувствах, а лежала бы в черном пластиковом мешке, застегнутом на «молнию».

– Странно, однако, – пробормотал эксперт, спокойный пожилой мужчина, похожий на дедушку-пенсионера.

– Что? – спросила я.

– Да вот посуда, – пояснил дедок. – Вам погибший плеснул бренди в специальный коньячный бокал, пузатый, из тонкого стекла. Между прочим, он поступил абсолютно правильно. «Отар» следует пить мелкими глотками, тихонько взбалтывая и согревая в руках. От тепла настоящий коньяк начинает источать тонкий, ценимый истинными гурманами аромат. Зато себе почему-то он плеснул в рюмку диковинной формы, к тому же синего стекла, хотя вот они, бокалы, стоят на полочке как миленькие.

– Это просто объяснить, – тихо сказала я. – Сеня был очень сентиментален. Рюмка старинная, к ней имеется еще и графин. Пару подарила Гребневу мама, после ее смерти Сеня пил только из этой рюмки исключительно все – коньяк, виски, ликер...

– А пиво? – глупо поинтересовался Максим Иванович.

– Он его на дух не переносил, – пояснила я, – говорил, потом отрыжка мучает.

– Прими мотилиум, помоги своему желудку, – процитировал эксперт надоевшую до дрожи телерекламу.

– Кто знал, что он пользуется только этой стопкой? – спросил Максим Иванович.

– Все, – пожала плечами я. – Сеня рассказывает каждому историю рюмки, вернее, рассказывал.

– Ремешковой тоже? – уточнил он.

– Не знаю! Наверное, да. Гребнев обожал угощать всех, отказаться было практически невозможно. Клиентам наливал, сотрудникам...

– Понятно, – заявил Максим Иванович.

– Что вам понятно?

– Все, – загадочно фыркнул он. – Все.

Я дернула плечом. Тоже мне, Шерлок Холмс нашелся. Впрочем, поеду-ка я домой, делать мне здесь больше нечего.

На кухне мирно пили чай Кирюшка, Лиза и еще пара ребят.

– Лампушка! – обрадовалась девочка. – А тебе из милиции звонили.

Ну вот, теперь покоя не дадут, замучают допросами. Придется пойти в соседнюю квартиру, впрочем, идти не обязательно. Я схватила толкушку и пару раз стукнула в стенку. Если Володя дома, он тут же явится.

Володя Костин – наш добрый приятель, он служит майором в системе Министерства внутренних дел. Познакомились мы случайно, мимолетная встреча переросла в приятельские отношения, затем в нежную дружбу. Володя холост. Впрочем, когда-то он был женат, но о кратком браке рассказывает с неохотой, а мы и не особо расспрашиваем. Хотя надо сказать, что редкая женщина способна быть женой борца с преступностью. Володя живет по совершенно непредсказуемому графику. Может уйти из дома в понедельник около восьми утра и вернуться в среду глубоко за полночь. Праздник ли, будний день, ему все равно, ведь преступники не отдыхают в выходные дни. Конечно, не всякая супруга выдержит такой ритм жизни. Наверное, поэтому среди сотрудников МВД очень велик процент разведенных. Просидит тетка у молчащего телефона, прождет безрезультатно муженька на день рождения или другой какой семейный праздник, повздыхает в пустой двуспальной кровати, а потом найдет другого, такого, который возвращается каждый день в семь часов со службы, в субботу ездит к теще в деревню, а в воскресенье несется с приятелями на

рыбалку, футбол или самозабвенно копается в машине. Кстати, у Костина есть ближайший приятель, Слава Самоненко. Так тот тоже в разводе, убежала жена и еще от одного сотрудника, также майора, Павла Митрофанова. Словом, весь отдел состоит из холостых мужиков в самом соку, только невесты отчего-то обходят их стороной.

Одно время я лелеяла надежду свести вместе Катю и Володю. Но после четырех неудачных замужеств подруга зареклась еще раз идти в загс. Хотя из них могла бы получиться идеальная пара – ни его, ни ее никогда нет дома. Общались бы по телефону и никогда не ругались. Но Костин как-то сразу стал нашим другом, а изменить подобный статус трудно. Так Катя и не превратилась из Романовой в Костину. Зато у нас есть надежный, как пистолет «ТТ», приятель. В прошлом году мы ухитрились обменять его новую жилплощадь в весьма отдаленном районе на соседнюю с нами квартиру. Теперь весь этаж принадлежит нам, в случае необходимости стучим в стенку, и Володя возникает на пороге, если, конечно, он дома.

Но сегодня никто не откликнулся. Я сунула колотушку в ящик и спросила:

– Ну, и кто мной интересовался – Анатолий или Максим?

– Нет, – пробормотал Кирюшка и взял со стола листок. – Дробов Петр Валерьевич, он и телефон оставил...

Недоумевая, что еще за новое лицо появилось на горизонте, я быстренько набрала номер.

– Дробов слушает, – раздалось в ответ.

– Моя фамилия Романова, вы звонили...

– Вот что, гражданочка, – сурово сказал милиционер, – извольте явиться и получить свой паспорт.

– Паспорт?

– Да, до пяти! – рявкнул Дробов. – Улица Планерная, дом 7.

Я изумилась до глубины души. Это же наше районное отделение!

– Но я не оформляла новый паспорт. – Я робко принялась отбиваться. – Мой в сумке лежит.

– Вы проверьте, – железным тоном отчеканил Дробов, – ежели не найдете, то бегом сюда. Впрочем, если обнаружите, тоже давайте к нам.

– Ладно, – растерянно пообещала я, – вот только посуду помою.

– Сумочка у вас какая? – немедленно поинтересовался мент.

– Черненькая, лаковая, на длинном ремешке, внутри два отделения, кармашек на «молнии»... – ответила я.

– Ага, – удовлетворенно вздохнул собеседник, – значит, жду!

Следующие полчаса я искала паспорт. Но он как сквозь землю провалился. Более того, пропала и сумка. У меня их всего две. Одна побольше, из черного материала, похожего на прорезиненную мешковину, сверху наклеен фирменный знак «Ле Монти». Сережка подарил мне эту торбу на Новый год. Спору нет, сумка очень удобная и какая-то безразмерная, в нее вмещается абсолютно все: косметичка, щетка для волос, детектив, ключи, яблоки, бананы... Только раздувается в боках. Я ее обожаю, а вот маленькую, элегантную, так называемую дамскую, терпеть не могу. Ну какой прок в сумке, куда можно положить лишь носовой платок? Для всего остального приходится брать пакет, очень неудобно. Так вот крохотная сумочка исчезла.

Петр Валерьевич сидел на втором этаже в обшарпанном кабинете, стены которого были выкрашены темно-зеленой краской.

– Романова? – рявкнул он.

– Да, только я не понимаю...

– Ваша? – все так же сурово спросил Дробов и шлепнул на ободранный стол мою лаковую сумку.

– Надо же! – восхитилась я. – Нашли! А где?

– Прочитайте и подпишите, – железным тоном велел мент.

Я взяла протянутый лист бумаги и уставилась в него. Ничего не понимаю!

«Акт утилизации. Мясо, предположительно говядина, – 1 кг 700 г; сыр твердый, производство Голландии, – 450 грамм, сосиски натуральные, отечественные – 1 упаковка, масло «Анкор» – 1 пачка, 250 грамм, кефир «Биомакс» – 1 пакет – 1 литр...»

– Это что такое?

– Гражданка Романова, – сурово сообщил Дробов, – вы помните, где сумку потеряли?

– Нет.

– Между прочим, вместе с ней еще и пакеты с едой были, все валялось во дворе дома восемь... Зачем вы бросили там документы и продукты питания?

Легкий лучик понимания забрезжил в глазах. И как только я забыла! В тот день, когда Кирюшка сломал руку, я заехала на Киевский рынок и купила там вот это самое мясо, сыр, сосиски. А когда Кирик рухнул на асфальт, я отшвырнула вещи в сторону и бросилась к мальчику, потом мы поехали в Филатовскую больницу, сумки же преспокойненько остались во дворе, а кошелек я всегда ношу во внутреннем кармане куртки.

– Как они к вам попали?

Дробов поморщился:

– Народ у нас бдительный. Увидели брошенные авоськи и стали трезвонить: бомба, бомба!

Моментально приехали соответствующие службы. Специально обученный человек подошел к пакетам и обнаружил, что там нет ничего особенного, всего лишь упаковки со жратвой. Лаковая сумочка валялась под скамейкой, там обнаружился паспорт и носовой платок. Все вещи были отправлены в отделение, и Дробов стал названивать Маше-растеряше, но трубку никто не снимал, только сегодня отозвалась девочка, назвавшаяся Лизой. Продукты, естественно, испортились, и их пришлось уничтожить.

– Лучше бы домой унесли, – вздохнула я, – все ведь хорошее было.

– Не положено, – угрюмо буркнул Дробов. – Вот здесь подпишите и здесь, теперь тут.

Я весело засмеялась и принялась оставлять автографы.

– Чего смешного? – забубнил Петр Валерьевич. – Больше дел нет, как с вами возиться, а преступность растет...

– Извините, – начала я оправдываться, – сын руку на улице сломал, вот я и побросала вещи. Смеюсь, потому что думала, опять по делу об убийстве допрашивать будут...

Дробов крикнул, вытер лысину и вручил мне сумочку.

Глава 5

Следующий день начался с весьма неприметного известия. Не успела я перешагнуть через порог «Алиби», как Наденька кинулась мне навстречу.

– Слыхали новость?

– Нет, – осторожно ответила я. – А что, у нас еще кого-нибудь отравили?

– Сеня, оказывается, давным-давно продал агентство некоему Федорчуку, – затарахтела Надя. – Об этом никто из наших не знал, все считали Гребнева хозяином, а он на самом деле такой же наемный работник, как и мы! И сейчас Федорчук сидит в его кабинете и всех выгоняет. Идите, Евлампия Андреевна, сейчас и вам достанется, мало не покажется... Мне уже расчет дали! Вот так!

В самом мрачном расположении духа я толкнула дверь и оказалась в кабинете. Но вместо приветливо улыбающегося Сени, хватавшегося при виде любого посетителя за бутылку с коньяком, из-за стола поднялся крохотный, щуплый человечек с лицом цвета перезрелого лимона. Жиденькие темные сальные пряди падали ему на глаза, тонкий, сжатый в нитку рот брезгливо морщился.

– Вы кто? – отрывисто поинтересовался карлик.

– Евлампия Андреевна Романова.

Крошка Цахес шлепнулся назад в кресло, выдвинул ящик письменного стола и швырнул мне почти в лицо серо-голубой конверт.

– Агентство более не нуждается в ваших услугах, здесь зарплата за апрель.

Я заглянула внутрь. Три сиротливые бумажки по сто рублей и одна пятисотенная купюра.

– Но я получала намного больше!

– Ничего не знаю, – крикнул уродец, – по бухгалтерской ведомости после уплаты налогов вам вручали восемьсот рублей!

Я в растерянности смотрела на нового хозяина. Это правда, только потом Сеня с улыбкой протягивал фирменный конвертик, где и лежала основная зарплата. Естественно, что мерзкий Федорчук знает об этой традиции, просто не желает тратиться, понимает, что я не пойду жаловаться. Закон-то нарушали оба – Сеня, когда давал, и я, когда брала!

– Вы свободны, – процедил гномик и вытащил из кармана пиджака толстую коричневую сигару.

Я молча повернулась и вышла, забыв попрощаться. Наденька засовывала в большую сумку ручки, карандаши, скрепки... Увидев меня, она хихикнула:

– Ничего ему не оставляю, сейчас еще информацию в компьютере уничтожу и картотеку вышвырну. Пусть новый секретарь бумаги заводит. Прикиньте, он меня, как котенка, выбросил и дал пятьсот рублей. Говорит, такая официальная зарплата, ну не урод ли!

Я медленно побрела к троллейбусу. Конечно, урод. Только легче от этого никому не станет, работы нет, что делать, ума не приложу.

Дома я вошла к себе в комнату, вытащила из шкафа с бельем коробочку из-под датского печенья и пересчитала наличность. Вместе с жалкой подачкой, полученной от карлика Федорчука, выходило чуть больше шести тысяч рублей. Какое-то время мы, конечно, продержимся, но новое место следует искать незамедлительно. Правда, голодная смерть нам не грозит. В любой момент я могу позвонить Катюше в Майами, и она немедленно пришлет столько, сколько надо. Только, честно говоря, мне не слишком хочется попрошайничать. Надеюсь, что сумею выкрутиться сама. А пока попробуем урезать бюджет.

Тут до слуха долетел тихий стук. Я повернулась и увидела на балконе кенгуру. Животное осторожно било лапкой в стекло. Ну вот, пожалуйста!

– Лиза, Кирюша! – закричала я.

Через минуту дети вбежали в комнату.

– Смотрите, кенгуру!

– Где? – спросил Кирюшка.

– На балконе!

Мальчик и девочка переглянулись, потом Лиза тихо сказала:

– Лампа, хочешь поехать на неделю в санаторий? Отдохнешь, мы тут сами справимся!

Я глянула на балкон, потом подошла и прижалась лбом к стеклу – никого!

Дети участливо смотрели на меня. Может, и впрямь к психиатру обратиться? Внезапно прозвенел звонок в дверь.

– Интересно, кто это? – удивилась Лиза.

– Пошли откроем, – подпрыгнул Кирка.

– Спросите сначала, – велела я.

– Лампуша! – закричала через минуту Лиза. – К тебе женщина!

– Иду, – отозвалась я и поспешила на зов.

Но на пороге комнаты притормозила и осторожно посмотрела на балконную дверь. Конечно же, кенгуру была там. Большие глаза внимательно следили за мной, треугольные уши шевелились. Я вылетела в коридор. Нет, завтра же отправлюсь к доктору!

На кухне, у окна стояла... Ирочка. На этот раз девчонка нацепила на себя темно-синюю юбчонку из блестящей кожи, желтую блузку и невероятную розовую жилетку всю в цветочках, рюшах и пуговичках.

– Здравсти, – выпалила она.

– Добрый день, – отозвалась я.

– Поговорить надо, – вздохнула Ирина, потом окинула взглядом Лизу с Кирюшей и уточнила: – Наедине.

Я провела ее в гостиную. Ирина плюхнулась в кресло, расставила колени и бесцеремонно поинтересовалась:

– Вы ведь из легавки?

– Нет, из сыскного агентства.

– Один черт, – отозвалась девушка. – Знаете, что маму посадили?

– Да.

– Так вот, она не виновата!

– Может, и правда, но только все улики против нее.

Ирина нахмурилась:

– В ментовке тоже так говорят, но они ошибаются, мама не убивала Жанну.

– Откуда такая уверенность?

– Ну, она мне сама сказала!

– Вы ее видели?

– Следователь свидание дал.

– И что?

– Плачет, говорит: «Доча, я ни при чем!»

Естественно, все преступники сначала отрицают свою вину.

– Не она это! – почти кричала Ира. – Не она!

– Да вы успокойтесь, хотите чаю?

– Засунь свой чай знаешь куда! – взвилась девица. – Я по делу пришла, не воду хлебать!

Я тяжело вздохнула. Воспитание Ирины оставляло желать лучшего, но не мне это исправлять.

– Чего тебе надо? – спросила я, перейдя с наглой девчонкой на «ты».

– Следовательно у мамы, молодой такой, сказал, что ее только одно от тюрьмы спасет.

– Что?

– Если настоящий преступник сыщется!

– Ну, – протянула я, – на это слишком не рассчитывай. Следовательно дело Ремешковой кажется ясным, не станет он очень стараться. Да и потом, скорей всего это Аня отравила Жанну.

– Нет! – со слезами на глазах воскликнула девочка. – Нет! Мамуля бы никогда не стала яд в бутылку сыпать. Ну не в ее привычках такое!

Я уставилась на Иру. Хороший аргумент, а главное, он безотказно подействует на господина Еремина. Только он услышит, что Анна не имеет обыкновения травить любовниц своего мужа, как тараканов, и сразу отпустит ее на свободу!

– Мамонька бы ей сразу в волосы вцепилась, морду о камин разбила бы, ребра пересчитала, – продолжала Ира. – Нервная она у меня, невыдержанная. А в бутылку яду напихать да ждать спокойно, тут другой характер нужен!

Резон в ее словах был, Аня становилась абсолютно неуправляемой, если что-то получалось не так, как она хотела. Могла пошвырять на пол посуду или разодрать в клочья плохо отстиранную кофточку. На моих глазах она разбила три цветочных горшка только из-за того, что Борис Львович не дал ей телефон. Просто побросала керамические кашпо на пол. Потом на кухне, опрокинув рюмку коньяка, хозяйка пояснила:

– Гневливая я очень, ты уж не обижайся. Под горячую руку так вломлю, мало не покажется. Прямо удержать себя не могу, в глазах темнеет, в ушах звенит – просто беда. Вот посуду на черепки пушу, и полегчает, вроде камень с души. Да

ты не бойсь, ежели я тебе наподдаю, то через час обязательно подарок сделаю, и дорогой.

Она не обманывала. Борису Львовичу, у которого с воплями и визгом отняла телефонную трубку, Аня преподнесла на следующий день золотые часы. Лифтерше, уронившей случайно на асфальт десяток яиц, которые Аня вытащила из багажника, она отвесила оплеуху. Но уже вечером того же дня бабулька щеголяла во дворе в новехонькой турецкой дубленке с капюшоном. Слушая завистливые вздохи дежурных из других подъездов, наша консьержка бесхитростно поясняла:

– Анна Николаевна на руку горячая. Дубленочка-то первый класс. Ежели она мне еще раз в морду засандалит, попрошу сапоги зимние, кожаные, на натуральном меху.

Так что Ирочка права, тихо поджидать смерти обидчика не в Аниных правилах. Ведь даже я, когда увидела в гостях Жанну, перепугалась, думала, что начнется вселенский скандал.

– И папа считает ее невиновной, – тихо продолжала Ира.

– Отец? – удивилась я. – Борис Львович? Но он же сам на нее милиционерам указал.

– Борька – козел, – взвилась Ирина, – я про родного отца говорю, про маминного первого мужа.

– Кто он? – спросила я.

Ирина слегка помялась, потом ответила:

– Родион Громов.

Мне эти имя и фамилия ничего не говорили, Ириша, очевидно, сообразила, что я не поняла, в чем дело, и пояснила:

– Про вихревских слышали?

– Про кого?

– Ну, группировки такие есть: солнцевская, казанская, люберецкая...

Я кивнула, читаю иногда «Криминальную хронику», да и передачу одноименную по телевизору показывают. Правда, не слишком люблю ее, меня привлекают лишь выдуманные детективные истории, а не реальные.

– Ну а это вихревские, – пояснила Ира, – из Вихрева, под Москвой, главный у них Гвоздь.

– И что? – удивилась я. – При чем тут какой-то Гвоздь?

– Так он и есть мой папа, – пояснила спокойно Ира, – Родион Громов по кличке Гвоздь. Они с мамой со школы знакомы, любовь у них вышла, мама и забеременела в семнадцать лет, а папу посадили. Они пожениться не успели. Дали-то ему десять лет! Мама к нему на зону ездила и меня маленькую возила.

Я слушала разинув рот. Родион признал девочку, более того, он искренне любил дочку и заставил Анну выйти замуж за Сергея Хитрука.

– Ребенку нужен отец, ну сама посуди, какой из меня воспитатель, – увещевал он ее.

Аня послушалась, но госпожой Хитрук пробыла лишь два года. Потом был еще один брак, тоже неудачный, затем третий, а пять лет тому назад на пути попался Борис Львович, казавшийся положительным и надежным партнером. Родион же ушел в криминалитет. На зоне он набрался ума и больше под арест не попадал, но дела проворачивал явно незаконные. С Аней его связывали самые теплые отношения. Он очень помог бывшей любовнице, когда та занялась торговым бизнесом, а Ирочка была всегда желанной гостьей в его огромном доме.

Не понимая, к чему девушка сообщила мне эту информацию, я поинтересовалась:

– Ну и что? Пусть твой папа наймет хорошего адвоката. Сейчас классные специалисты есть, дорогие только.

Ирочка раскрыла сумку, вытащила из нее пачку зеленых купюр, перетянутую розовой резинкой, и сказала:

– Мы хотим нанять вас, тут десять тысяч.

– Меня?! Да зачем?

– Ищите убийцу, – спокойно пояснила Ира. – Папа сказал, если мамулю из-за решетки вытащите, вовек благодарен будет.

Она вновь полезла в сумочку, вытащила еще пачку купюр и спокойно пояснила:

– Десять тысяч – это аванс; как работу закончите, получите еще пятнадцать кусков, а это мелочовка на расходы: бензин, взятки небольшие, ну там, туда-сюда. Папа в агентстве «Пинкертон» консультировался, ему сказали, что цена нормальная.

– Пусть твой отец наймет настоящих профессионалов, – отбивалась я.

– Не-а, – протянула Ира, – мы вас хотим.

– Почему?

– Потому.

Чудесный аргумент, главное, совершенно объясняет суть дела.

– Честно говоря, боюсь, не потяну, – ответила я, отодвигая пачки лакомых бумажек.

Ирочка тихо засмеялась:

– Э нет, папе никто не отказывает, лучше соглашайтесь.

– Зачем?

– Дети у вас, – вздохнула Ира, – не ровен час чего случится.

Я похолодела: ну дела, только киднепинга мне не хватает для полного счастья.

– У твоего отца небось служба безопасности есть, охрана, вот пусть им и поручит!

– Долдоны и идиоты! – в сердцах воскликнула Ириша. – Вот ломом по башке зафигачить, в ухо стрельнуть или к батарее приковать, тут они молодцы, а мозгами пошевелить им невдомек, потому как нет их у них, мозгов-то.

– Ну пусть господин Гвоздь по своим каналам поспрашивает, может, чего и выяснит, – сопротивлялась я из последних сил.

Ира вздохнула:

– Соглашайтесь, деваться все равно некуда, из агентства вас выгнали, где деньги возьмете? Дети есть попросят, опять же одеться-обуться надо...

– Все же лучше господину Гвоздю обратиться к своим или к профессионалам, в тот же «Пинкертон», если его не пугают расходы.

Ирина хмыкнула:

– Мой папа теперь от всех дел отошел, он легальный бизнесмен, торгует продуктами питания в Вихреве. Хватит, настрелялся, умирать-то никому не охота! А насчет профессионалов... Знаете, есть такая штука – коридорное мышление. Это когда человек привык думать только в одном направлении. Ну, допустим инженер знает, что вечного двигателя нет, нет и все, а дилетант думает, будто есть, идет в гараж и делает. Вообще многие открытия совершали непрофессионалы. Так что иногда лучше обратиться к тому, кто будет работать, не думая о правилах. Сыщики-то пойдут по привычной дорожке. Знаете, кто в этих агентствах в основном сидит? Легаши бывшие, а они привыкли действовать по старинке. Вы же крошечки подберете, за ниточки потянете.

Я глядела на Ирину во все глаза. Не слишком обремененная знаниями девушка явно повторяла чужие слова, скорей всего то, что говорил ей отец. Интересный, должно быть, господин, этот легальный бизнесмен Гвоздь, книги по психологии читает. Может, и впрямь попробовать? К тому же деньги...

– А что будет, если я с абсолютной точностью докажу, что Жанну отравила Аня? Если твой папа хочет, чтобы я подтасовывала факты...

– Папа желает знать правду, – тихо ответила Ира.

Я взяла тяжелую пачку денег, повертела ее в руках.

– А если я не сумею найти убийцу?

Ирочка вздохнула:

– Ничего, только лучше бы вам изо всех сил постараться.

Затем, посчитав разговор оконченным, она встала, быстрым шагом пошла к выходу и вдруг спросила:

– Квартира у вас большая, комнат сколько?

– Шесть.

– Откуда же такие хоромы?

– Мой старший сын Сережа женился на Юле, – объяснила я, не слишком вдаваясь в подробности, – она жила в соседней квартире, вот после свадьбы мы и объединили жилплощадь. Сделали из двух квартир одну.

– Понятно, – протянула Ира. – Жильцов не берете?

– Нет, – засмеялась я, – а ты что, хочешь у нас комнатку снять?

– Да, – серьезно ответила Ирина. – Не могу на одной территории с Борькой, блевать тянет.

– Поезжай к отцу.

– Так он в Вихреве живет, полтора часа от Москвы, а я в мае школу заканчиваю, всего-то два месяца до выпускных экзаменов осталось. Вы не сомневайтесь, я хорошо заплачу, деньги есть. Папа к маминим магазинам толкового менеджера приставил, и весь доход идет ко мне.

– А квартира чья? – глупо спросила я. – Анина или Бориса Львовича?

– Мама покупала, – пояснила Ира, – только козел там прописан. Он вообще нищий был, когда пришел. Его прежняя жена вытолкала только с парой трусов. Ну ничего, мамуля скоро вернется и бортанет гада.

– Пусть папа тебе квартиру снимет или купит!

Ирочка глубоко вздохнула и по-детски призналась:

– Я одна никогда не жила, боюсь очень. Тут Борька два дня не ночевал, так я чуть с ума не сошла. Ночью страшно, прямо жуть. В коридоре шкафы скрипят, а я дергаюсь. А у вас места полно, да и вы тетка незлая. Всего-то и поживу, пока маму не освободят. Ведь ее скоро выпустят, правда?

Ее широко распахнутые детские глаза с надеждой уставились на меня. Господи, за толстым слоем косметики совершенно не видно ее настоящего возраста, а ведь девочка всего на три года старше Лизы. И потом, она очень любит Аню, никогда с ней не расставалась и, естественно, тоскует. Вот ведь бедолага. Сколько на нее всего свалилось, тут даже здоровый мужик мог с катушек съехать, а Ириша еще хорохорится.

– Можешь занимать комнату для гостей, только там нет телевизора.

– Свой привезу, – повеселела «жиличка», – и видак, и кассеты, и музыкальный центр. Сколько возьмете? Только с едой, я готовить не умею!

- Что же ты эти дни ела?
- В «Макдоналдс» ходила, надоело до жути.
- А Борис Львович где питается?
- Борька бабу нашел на хозяйство, она ему суп варит.
- Что же ты ее стряпню не ела, не вкусно, что ли?
- Да козел сказал, что у нас теперь коммунальное жилье, каждый за себя. Так сколько?
- Мы с гостей денег не берем, - ответила я.

Глава 6

Утром, выгнав увеличившееся количество детей в школу, я села у письменного стола и призадумалась, потом написала на бумажке вопросы. Кому это выгодно? За что убили Жанну? Кто пошел на преступление? И при чем тут Сеня?

В памяти начали всплывать события. Итак, день рождения Бориса Львовича. Утром Аня, отдав все указания по поводу праздничного стола, отбыла на работу. Борис Львович работал до четырех часов, потом мылся в ванной, а в семь к накрытому столу явилась первая гостья – Зюка. Аня прибежала за секунду до нее и выставила на сервировочный столик, где уже выстроилась шеренга графинов, бутылку «Айриш Крим». Она была пыльная, и я, взяв влажную тряпку, аккуратно вытерла ее. Так вот, пробка казалась нетронутой. Я отлично это помню, потому что хотела открыть ликер, неприлично ставить на стол запечатанную бутылку. Но силы свернуть золотистую пробку не хватило. Хотела сходить за ножом, но тут меня отвлекли, и я забыла про бутылку.

Потом началась суматоха, пришли остальные гости, пошли объятия, поцелуи, вручение подарков. За стол сели около восьми, а в девять Аня взяла злополучный «Айриш Крим» и легко, двумя пальцами, сняла пробку. Значит, кто-

то успел открыть бутылку. Конечно, моя хозяйка – здоровая баба, силы у нее немерено, но даже ей скрутить легким движением плотно запаянный колпачок нелегко. Некто успел поколдовать с бутылкой, если отместить, конечно, предположение, что она сама нафаршировала ликер цианистым калием. Стоп. А где Анна взяла отраву? Довольно экзотический яд для нашей действительности. Интересно, он продается в аптеках?

Я почесала голову ручкой и посмотрела в окно. Ну надо же, в кабинете тоже есть балкон, и на нем стоит кенгуру.

– Пошла вон! – рявкнула я и стукнула кулаком в стекло.

Раздался звон, осколки дождем хлынули в пространство между дверьми. Проклиная собственную глупость, я принесла совок, веник и мокрую тряпку. Хорошо хоть разбилось только внутреннее стекло, наружное уцелело. Следующие полчаса я потратила на поиски стекольщика. Наконец в РЭУ пообещали прислать мастера, и я вновь уселась за стол.

Так где Анна раздобыла цианистый калий? В аптеке? Был только один способ это проверить. Схватив толстенный справочник, я быстро набрала номер.

– Фармакология, – прозвенел девичий голос.

– Скажите, сколько стоит цианистый калий?

Девушка помолчала секунду, потом весьма злобно сказала:

– Я вот сейчас запишу ваш номер и в милицию сообщу. Хулиганка.

– Так вы не торгуете цианистым калием?

В ухо понеслись гудки. Страшно нелюбезная особа, может, мне доктор прописал цианид! Ладно, попробуем счастья в другом месте.

На этот раз ответила пожилая женщина:

– Провизор Шестакова.

– Простите, у меня рецепт, можно узнать о наличии лекарства?

– Пожалуйста.

– Цианистый калий, десять таблеток, пять грамм.

Женщина отреагировала немедленно:

– Что?

– Цианистый калий, десять таблеток, пять грамм.

– Это невозможно, наверное, вы неправильно прочитали рецепт, лучше придите в аптеку.

– Но...

И опять раздались гудки. Да, похоже, в аптеке его не взять, так где же? Я вошла в Энциклопедический словарь, нашла статью «Цианиды» и стала внимательно изучать текст:

«Синильную кислоту и ее соли используют в химической и металлургической промышленности для извлечения благородных металлов, также применяют для борьбы с грызунами».

Так, значит, в Москве полно мест, где лежит в сейфах цианистый калий. Всякие лаборатории, научно-исследовательские центры, заводы, коих в столице немерено, а еще хозяйственные магазины, торгующие отравой для крыс. Жизни не хватит, чтобы обойти все точки.

Ладно, пойдем другим путем. Если я приму за аксиому, что Аня не виновна, тогда что? Значит, Жанну отравил кто-то из гостей, сыпанул потихоньку в бутылочку отраву – и привет. То-то бедняжка понюхала рюмку и сказала, что «Айриш Крим» странно пахнет, как «Амаретто». А Аня ей ответила:

– Да нет, как всегда, пей спокойно.

А это еще одно доказательство вины моей хозяйки. Ладно, все-таки решим, что она ни при чем. Кто тогда? Борис Львович? Ну и зачем мужику средних лет убивать молоденькую и хорошенькую женщину? Он пользовался ее расположением. Правда, иногда бывает, что любовница начинает качать права, выдвигает требование типа – «брось свою жену и распишись со мной». Но Жанна была замужем, причем, кажется, Никита любил ее, хотя чужая жизнь – потемки. Может, он узнал про Бориса Львовича и решил известить прелюбодейку? Во всяком случае, ясно одно: проверить надо всех, кто в тот вечер веселился за праздничным столом, – Никиту Малышева, Андрея и Валерию Корчагиных, Зюку, Бориса Львовича, Ирину и солдафона, которого присутствующие звали Леонидом. С кого начнем?

Мои раздумья прервал звонок в дверь. На пороге возвышался пожилой мужик с куском стекла и чемоданчиком в руках.

– Пятьдесят рублей, – произнес он вместо «здравствуйте».

– Что?

– Работа с материалом стоит полсотни, – пояснил мастер, – платите вперед, или ухажу.

Надо же, какой противный. Я протянула ему голубую бумажку и ехидно заметила:

– Вообще-то, люди сначала дело делают, а потом магарыч берут!

– Это когда с нормальными жильцами дело имеют, – парировал стекольщик, – вон вчера у бабки работал, все чин чинком, а она мне два рубля подает. Что это, по-вашему? Нет уж, деньги вперед.

Ругаясь и оставляя за собой грязные следы, мастер дотопал до комнаты и глянул на дверь.

– Чегой-то тут делали, – заворчал он, – дрались? Ладно бы лето, сквозняком хлопнуло, а зимой! Чистое хулиганство!

– Сейчас апрель, – тихо сказала я, наблюдая, как он яростно орудует стамеской.

Куски дерева так и летели в разные стороны.

– Так это по календарю, – не сдавался мастер, – а на дворе февраль февралем, пурга, холод. Мне бы в тепле сидеть, нет, иди, чини ваше стекло, надоело все, за копейки по квартирам таскайся!

Он в гневе сплюнул на пол, подналег на стамеску и моментально отодрал от двери довольно большой кусок дерева.

– Осторожней!

– Нечего меня учить, возьмешь банку краски да замажешь!

Отвратительный пролетарий начал раздражать меня до дрожи. Хотя какой он рабочий! Настоящий работяга любит свою профессию, гордится умением и никогда не позволит себе испохабить материал. Ну не станет истинный мастеровой халтурить, потому что не умеет. А этот – люмпен, кричащий при любом удобном случае: «Вы все лентяи, а я рабочий!»

– Мух, что ли, били? – не успокаивался мужик.

– Нет, кенгуру прогоняла.

У стекольщика выпал из рук нехитрый инструмент.

– Кого?

– Кенгуру, знаете, есть такое животное, большое, с сумкой на животе? Оно иногда ко мне на балкон приходит, а я его гоню, вот неудача и вышла.

Собеседник замолчал, потом сказал:

– Уйди из комнаты!

– Почему?

– Не люблю, когда за спиной стоят.

Я покорно вышла на кухню. Спустя четверть часа стекольщик крикнул:

– Все, готово!

Я проводила его до лестницы. Он вышел, внезапно повернулся и сказал:

– На шестом этаже, в 37-й квартире, профессор живет, Качалов его фамилия, психами занимается. Хороший мужик и берет недорого. Когда у моей тещи глюки пошли, он ей какие-то таблетки выписал. Не поверишь, как новая стала. Готовит, убирает, в магазин ходит, а до этого не помнила, как зовут. Ты сходи к нему по-соседски, глядишь, и поможет чем.

Вне себя от негодования я хлопнула дверь. Спасибо за совет! Кенгуру существует на самом деле, не знаю, почему его никто, кроме меня, не видит!

Вечером с пятью чемоданами явилась Ира.

– Там в машине еще всего полно, – отдуваясь, сказала она.

Лиза и Кирюша полетели вниз. Пока они таскали телевизор, видик, музыкальный центр, кассеты и диски, я молчала. Но когда появились тостер, СВЧ-печка, утюг и кофеварка, я не выдержала:

– Ну зачем всю бытовую технику приволокла! У нас своей полно. Хорошо хоть стиральную машину с холодильником не привезла.

– Они встроенные, – вздохнула Ирина, – отдирать тяжело, а то бы точно прихватила, ничего козлу не оставила бы, пусть теперь без тостиков поживет, а то он жареный хлеб обожает.

– Подумаешь, новый тостер купит, в чем проблема.

Ирочка радостно засмеялась:

– Никогда, у паразита денег нет, ему мамонька даже на сигареты давала. За пять лет только одну картину и продал, идиот кретинский! Он святой, а мы с мамой тряпки половые!

И она поволокла агрегаты на кухню. Я в задумчивости пошла в ванную и начала вытаскивать из машины чистое белье. Однако странно. Ну кто же убивает курицу, несущую золотые яйца? Почему Борис Львович кинулся обвинять Аню? В его положении было бы логичней защитить супругу, отвести от нее всякие подозрения. И как он думает теперь жить? Будет искать новую кормилицу?

– О! – завопила Лиза. – Класс, у тебя все диски Земфиры есть!

– Ага, – отозвалась Ирина, – бери.

– Ой, какая кофточка, а жилетка!

– Нравится?

– Жуть.

– Меряй, – разрешила гостя.

Девчонки самозабвенно зашуршали пакетами. Я всунула голову в комнату. На кровати – гора шмоток, рядом Лиза с покрасневшим лицом, возбужденные Муля и Ада. Рамик тихо жует что-то в углу.

– Где мамина записная книжка? – поинтересовалась я.

– Туточки, – ответила Ирина и притащила очень дорогую вещичку.

Переплет из натуральной тисненой кожи и защелка из настоящего золота.

Никита Малышев отозвался чуть слышно:

– Да.

– Вас беспокоит Евлампия Романова. Помните меня?

– Нет.

– Ну, та женщина, которая работала у Ани Ремешковой якобы в прислугах...
Сообразили?

– Да.

– Мне надо с вами побеседовать.

– Да.

Немногословность собеседника начала меня злить, и я на повышенных тонах поинтересовалась:

– Что – да?

– Помню.

– Мне надо с вами поговорить, немедленно!

– Приезжайте, – все так же коротко заявил Никита и моментально бросил трубку.

Нет, каков нахал! Даже адрес не сказал. Правда, все координаты записаны в телефонной книжке, но он-то об этом не знает!

Кипя от негодования, я оделась, подошла к комнате Иры и крикнула:

– Про уроки не забудьте, манекенщицы!

Девочки, самозабвенно потрошившие чемоданы, подняли растрепанные головы и с недоумением уставились на меня. Наконец отданный приказ дошел до их мозгов, и они разом отозвались:

– И ну их на фиг, уроки!

– На фиг, так на фиг, – согласилась я и добавила: – Вернусь к ужину.

– Можешь не торопиться, – радостно разрешила Лиза, – нам еще столько разобрать надо!

Я прикрыла дверь. Надо же, пока что девицы в восторге друг от друга. Интересно, через какое время Ирина начнет устраивать скандалы? Впрочем, очень доволен был и Кирюша. Я нашла его в гостиной возле роскошного видика. У нас, честно говоря, самая примитивная, устаревшая модель, так называемый видеоплеер. Он может только демонстрировать кассеты, а вот записать передачу, которая идет по телевизору в ваше отсутствие, не способен. Кирюшка постоянно убивался по этому поводу. Мультик про обожаемых им Симпсонов Ren-TV показывает отчего-то в полдень, когда все приличные дети тоскуют за школьными партами. Одноклассники потом преспокойненько просматривали записанное, а Кирюшка чуть не рыдал от зависти. Сейчас же он пребывал в крайней степени ажиотажа.

– Лампа! – заорал он, заметив в дверях мою фигуру. – Лампуша, глянь скорей, какой видак! Лазерные головки, будильник и записывает! Ну, кайф, теперь ничего не пропущу. Ирка сказала, он сам включится, сам заработает, только программу задать надо! А еще кассет сколько! Прикинь, у нее почти все есть, вон коробки стоят.

У окна и впрямь высились три огромные упаковки из-под сигарет «Пэл-Мэл».

– Еще она ноутбук дала, – потряс Кирюшка плоским черненьким портфельчиком, – сказала: «На, пользуйся, мне подарили, только я не хочу его даже трогать».

В вагоне метро я отыскала свободное место и втиснулась между двумя огромными тетками, закутанными в дешевые турецкие дубленки. «Одно хорошо – Ирина совсем нежадная. Разрешила Лизе рыться в своих нарядах и поставила видеомagnetофон не в своей комнате, а в гостиной», – подумала я.

Никита Малышев долго не открывал дверь. Потеряв всякое терпение, я забарабанила в нее ногой. Наконец где-то далеко послышалось шарканье, загрохотал замок, дверь распахнулась, и я ойкнула. На пороге стоял мужик, мало похожий на щеголеватого, импозантного Никиту. За те дни, что я проработала у Ани, Малышев пару раз забежал к Борису Львовичу. Выглядел он всегда безупречно – светлая рубашка, безукоризненно выбритое лицо и легкий аромат дорогого парфюма. Сейчас же передо мной предстал индивид, больше всего смахивающий на бомжа. Щеки парня покрывала трехдневная щетина, красные воспаленные глаза лихорадочно блестели, брюки, когда-то светло-песочного цвета, напоминали мятую тряпку кофейного оттенка, волосы сальные, несвежая рубашка. Похоже, за дни, прошедшие с момента смерти Жанны, он ни разу не умылся, не почистил зубы, не менял белье. Спал небось в одежде.

– Вы ко мне? – хриплым басом поинтересовался хозяин.

Удушливая волна перегара ударила мне в ноздри, и я чихнула. Так, понятно, беспробудно пил. Надеюсь, хоть сейчас протрезвел немного.

Мы прошли на кухню, которую явно обставляла женщина. На белом карнизе висели кокетливые розовые занавески с рюшами и ламбрекеном. На подоконнике – кружевные салфеточки, сверху вазочки, керамические гномики, пластмассовые свинки. По стенам развешана тьма полочек с баночками. Часы в виде сковородки, картина, изображающая набор фруктов, а холодильник украшен доброй сотней разноцветных магнитов. Наверное, при жизни Жанны помещение выглядело нарядно, сейчас же в мойке громоздилась гора тарелок, банок и чашек, на овальном столе, покрытом клеенкой, стояла куча предметов – бутылки, полные пепельницы, масленка с совершенно растекшимся содержимым, отвратительно воняющая безголовая селедка и пакет явно сгнившего кефира.

Я села за стол, положила руки на клеенку, и они моментально прилипли к ней. Похоже, тут давно не убирались. Никита устроился напротив и поинтересовался:

– Чего надо?

Меня чуть не стошнило от букета ароматов. Селедка смердела невыносимо, изо рта Никиты вырывалось зловоние, и особую пикантность придавала этому «коктейлю» резкая вонь из вскрытого пакета «Биомакса».

– Уберите со стола, – велела я.

Никита молча поднялся, вытащил почти доверху набитое помойное ведро, рукой затолкал мусор поглубже, сверху навалил селедку, пакет кефира, окурки и запихнул переполненную мусорницу под мойку.

– Нельзя так распускаться, – сказала я, – вы когда умывались последний раз?

Никита напрягся:

– Не помню.

– А переодевались?

– Не помню!

– Что, все время пили?

– Не помню.

– Да хоть что-нибудь ты помнишь? – обозлилась я.

Никита кивнул.

– Что? – продолжала я кипятиться.

– Как Жанна страшно закричала и упала, – тихо-тихо ответил парень и потянулся к бутылке.

Я моментально отобрала у него «Гжелку» и сказала:

– Хватит. Лучше скажи, хочешь, чтобы убийцу Жанны наказали?

Никита тихо пробормотал:

– Да.

– Тогда изволь ответить на несколько вопросов.

Малышев сморщился и начал тереть виски. В открытом шкафчике виднелась упаковка кофе. Я встала, включила электрочайник, приготовила крепкий сладкий кофе и поставила чашку перед вдовцом:

– Пей.

Художник покорно стал глотать ароматную жидкость. Я тем временем распахнула огромный холодильник и обнаружила там пяток кастрюль и несколько упаковок с продуктами. Прокисший суп, заплесневелые котлеты и колбаса, стухший творог и вполне нормальный на вид сыр.

– Ты что-нибудь ел?

Никита покачал головой:

– Не хочется.

– Ладно, уж извини за бестактный вопрос, но ты знал, что Жанна и Борис Львович состоят, как бы это помягче сказать, в интимной связи?

– Да, – спокойно ответил Никита, – мы долго колебались между ним и Сергеем Пашковым, но Сережка – хам, а Борис – интеллигентный человек, к тому же обеспеченный.

– Погоди, погоди, – пробормотала я, – как понять – колебались? Вы что, вместе решали, кого Жанне завести в качестве любовника? Ничего себе, однако!

Никита с тоской взглянул на меня, потом взял со стола бумажки и сообщил:

– Повестки прислали из милиции, только я не пошел, болел.

– Пил, – поправила я.

– Ну пил, – покорно отозвался Никита, – с горя. Только все равно придется небось пойти к следователю?

– Конечно.

– Ноги не идут, – вздохнул парень, – боюсь, заставят на тело смотреть.

– Зачем?

– Вроде так всегда делают, вон в кино родственников вызывают на опознание трупа.

– Это когда неизвестно, чей труп, – успокоила я его, – а тут все ясно.

– Вы ведь тоже из милиции? – тихо поинтересовался Никита.

Не желая вдаваться в подробности, я кивнула:

– Вроде того.

– Давайте я вам расскажу, а вы к следователю сами зайдите.

– Ладно, – обрадовалась я. – А что рассказывать станешь?

– Про нас с Жанной, – прошелестел Никита, – только ничего противозаконного мы не делали, все по обоюдному согласию.

– Давай, колись, – приказала я и, налив ему еще кофе, приготовилась слушать.

Жанна и Никита родом из Иркутска. Отца у них нет, а мама работала художником в Доме культуры железнодорожников.

– Погоди, погоди, – заволновалась я, – как это – папы нет, а мама – художница? У кого? У тебя или у Жанны?

– У двоих, – ответил Никита.

– Надо же, какое совпадение, – поразилась я.

Парень посмотрел на меня.

– Вы не поняли. Мы не муж и жена, мы брат с сестрой.

– Как? Зачем же вы тогда перед всеми супругами прикидывались?

– Это Жанна придумала. Она ведь была очень красивая и умная, – продолжил Никита.

Разница у них всего в один год, Никита старше, но на самом деле верховодила в тандеме Жанна. Апатичный Кит слушался сестру беспрекословно. Учились они в одном классе, вместе получили аттестаты и рука об руку отправились покорять Москву, хотели поступить в Строгановское училище, но срезались на рисунке. Жанна не растерялась и отнесла документы в архитектурный, а когда и там вышел облом, кинулась в полиграфический. Но им везде не везло, не добирали баллов.

Уезжать из шумной, яркой Москвы в сонный, провинциальный Иркутск страшно не хотелось. В столице все время что-то происходило – выставки, презентации, всякие культурные мероприятия. Жанночка и Никита – натуры артистические, мечтавшие стать художниками, просто зубами скрипели от злости, представляя свое возвращение домой. Да еще Никиту тут же бы забрали в армию. Честно говоря, после трех неудач парень приуныл, сложил лапки и покорился обстоятельствам. Но у Жанны был другой характер. Природа, наверное, ошиблась, наградив девочку мужскими качествами – невероятным честолюбием, завышенной самооценкой, патологическим усердием, желанием во что бы то ни стало пробиться в люди и вырваться из нищеты. Вся женская мягкость, нерешительность, слезливость, перепады настроения достались Никите.

Жанна отыскиала в столице техникум, готовивший гримеров и художников сцены. Конкурс туда был небольшой, и ребятам удалось попасть на первый курс. Поселились они в общежитии и три года страшно бедствовали. Подрабатывали дворниками, лифтерами, делали за деньги чертежи для студентов МАДИ и даже преподавали рисование в школе. Но заработанные крохи уходили только «на унитаз». Громадными усилиями Жанна умудрялась сэкономить копейки, чтобы одеться. Зимой и летом ходила в одних джинсах и кофточках, связанных крючком из катушечных ниток. Но дешевая одежда не скрывала редкой красоты девушки. Индийские «техасы» подчеркивали изящество ее стройной фигурки.

Приближалась защита диплома, и Малышевы делались все мрачнее. Никакой возможности зацепиться в Москве у них не было. Шел 1985 год, чтобы получить в Белокаменной работу, нужна была столичная прописка. Конечно, можно было вступить в брак, но ни Жанна, ни Никита так и не нашли себе пару.

А потом им повезло. Проректор по учебе, толстенький, лысоватый мужичонка с маслено поблескивающими карими глазками, стал зазывать к себе в кабинет Жанну. Поводы всякий раз были идиотские – плохо переплетена курсовая, неправильно оформлен доклад...

На пятый раз Константин Петрович нежно взял девушку за руку и... предложил провести с ним приятный вечер в субботу на даче. Жанночка, прекрасно понимая, что за вечером последует и ночь, согласилась. Константин Петрович, кстати, секретарь партийной организации техникума, обрадовался. Жанна, правда, поставила одно условие. Двадцать пятого марта, в субботу, им выдают стипендию, вот получит ее и приедет.

В назначенный день надушенный Константин Петрович ждал девушку в условленном месте. Жанночка пришла хорошенькая, в симпатичной курточке. Весна в этот год выдалась ранняя, жаркая. От нагретой солнцем земли поднимался одуряющий аромат, на грядках полезла первая травка, и у Константина Петровича тряслись руки, когда он отпирал заржавевший за зиму замок. Впрочем, мужик не собирался торопиться. Накрыв стол, поставил бутылку шампанского, налил бокалы, чокнулся с дамой, выпил, повторил и... больше ничего не помнил.

Пришел в себя он только на следующее утро. На даче все осталось в целости и сохранности, кошелек с выданной накануне зарплатой мирно лежал в кармане, исчез только партийный билет.

Похолодев от ужаса, Константин Петрович вернулся домой и наорал на жену, некстати подвернувшуюся под руку. До понедельника он еле дожил, не понимая, что произошло. Ситуация разъяснилась после конца занятий. В три часа к нему в кабинет вошли Жанна и Никита. Парень быстро запер дверь, девушка выложила на стол кипу фотографий. Плохо слушающимися пальцами проректор перебирал компрометирующие снимки. Вот он с Жанной за столом, заставленным бутылками, а вот в постели. Самое интересное, что Константин Петрович не помнил ничего.

– Вы получите снимки и негативы, если выполните наши требования, – отрезал Никита, – отдадим и партбилет.

Константин Петрович похолодел. Аморальное поведение, конечно, очень плохо, но оно ничто по сравнению с потерей красной книжечки.

– Чего вы хотите? – проблеял мужик.

– Два места в аспирантуре и жилплощадь в Москве, можно комнату в коммуналке, – ответила Жанна. – Времени у вас ровно месяц, до следующей оплаты членских взносов.

– Ты специально назначила свидание на день зарплаты, – осенило проректора, – знала, что у меня обязательно будет с собой партбилет, дрянь!

– Спокойно, – ответил Никита.

– А если я не соглашусь?

Парень пожал плечами:

– Нашлепаем карточек и разошлем всем: вашей жене, ректору, в учебную часть, в партийную организацию.

– Между прочим, на них и Жанна есть, – попытался сопротивляться проректор.

– Ну и что, – удивилась студентка, – скажу, полюбила вас, а вы обманули, обещали развестись с женой, еще все жалеть начнут! Лучше подумайте, что вам за утерю партбилета будет, мало не покажется.

Константин Петрович только вздохнул. За пропажу партийного билета следовал в лучшем случае выговор, в худшем торжественное изгнание растеряхи из партийных рядов. Жизнь исключенного из КПСС человека, как правило, шла под откос, на карьерном росте и заграникомандировках можно было поставить жирный крест.

Пришлось проректору покрутиться, но возможности у него были, и Никита с Жанной получили крохотный, девятиметровый пенальчик, правда, в самом центре, на Кропоткинской улице, в аварийном доме. Комната их напоминала колодец – длина и высота помещения почти совпадали. Но брат с сестрой не унывали. Осенью их зачислили в аспирантуру, а в карманах лежали паспорта с вожденной московской пропиской.

Началось восхождение к высотам благополучия. В Иркутск они больше никогда не ездили и через пять лет стали обеспеченными людьми, даже приобрели кооперативную квартиру. Любопытствующим знакомым, с завистью оглядывавшим три просторные комнаты с чисто вымытыми окнами, Жанночка спокойно врала:

– Мужу повезло, получил заказ на мозаику в американском посольстве, заплатили отлично.

На самом деле источник благополучия был иной, и для удобной эксплуатации «денежной скважины» Жанна и объявила Кита своим мужем. А чтобы кто-то из бывших сокурсников, случайно встреченных на тусовках, не удивился, девушка ловко пустила сплетню. Живут они вместе давно, с четырнадцати лет, но, чтобы к ним в Москве не привязывались, выдавали себя за брата и сестру, а потом поженились. Но друзья юности встречались на их пути редко, а для всех остальных они превратились в молодую бездетную супружескую пару.

Механизм обогащения был прост, как валенок. Сначала подбиралась жертва – мужчина, обязательно семейный, при деньгах и положении. Потом Жанночка начинала кокетничать с объектом. Редкий представитель сильного пола оставался равнодушным к ее белозубой улыбке и стройным ножкам, призывно

мелькавшим в разрезе длинной юбки. Как опытная обольстительница, Жанночка знала – возбуждает скрытое. Мини-юбочка, обнажающая конечности до самой «мадам Сижу», на самом деле не эротична. Вот обтягивающее, почти до полу платье, в разрезе которого вдруг показывается точеная ножка, дает полет фантазии. А уж мужчины горазды на выдумки. Словом, осечек не случилось. Рано или поздно начинался роман со всеми аксессуарами – поездками на природу, походами в театр и ресторан. На Жанночку сыпались подарки, как правило, дорогие. Наконец наступала завершающая стадия, отношения плавно перетекали в постельные. Затем следовала кульминация. В спальню влетал разъяренный Никита и с воплем набрасывался на «супругу» и ее любовника. Перепуганный Ромео обычно пытался уладить дело миром. Но успокоить Никиту могла только крупная сумма денег. Отвешивая рыдающей Жанночке сочные оплеухи, Кит орал:

– Убью заразу, а потом к твоей жене пойду!

Доведенные почти до обморока ловеласы моментально расстегивали кошельки. Никита и Жанночка были хитры, жертв выбирали из разряда стареющих донжуанов, интеллигентных и мягкотелых, неспособных на физический отпор. Так они и жили, занимаясь «любовным» бизнесом. Кстати, он приносил не только деньги. Один из мужиков пристроил Жанну в журнал «Вехи», другой помог Никите стать главным художником в рекламном объединении. Теперь они получали приличные зарплаты, но своего основного занятия не бросили. Денег ведь сколько ни дай, все мало.

– С Борисом Львовичем давно «роман» крутили?

– Полгода, – пояснил Никита.

– Так долго? – изумилась я. – Почему?

Никита со вздохом пояснил. Они всегда, прежде чем разыграть сцену бешеной ревности с пощечинами и выдиранием волос, как следует «вытряхивали» кавалера, заставляя того основательно раскошелиться. Жанночка охотно принимала всевозможные презенты – драгоценности или машину, шубу, произведения искусства. Тусовались они исключительно в художественно-писательско-артистических кругах. Просто удивительно, что никто из обобранных любовников никогда никому не рассказал о сделке с Никитой.

Правда, по тусовкам ходили упорные слухи о бешеной ревности Малышева, но и только. Более того, иногда Жанночка сталкивалась в Доме кино или Доме литераторов нос к носу с бывшими обожателями. Девушка быстро шептала мужикам: «Лучше нам не разговаривать, вдруг Никита узнает», – и исчезала.

Словом, бизнес был удобным, денежным и необременительным. Они даже подумывали «запустить в дело» Никиту, жадных до красивого мужского тела стареющих, весьма обеспеченных дам в их кругу было полно. Но они не успели претворить задуманное в жизнь.

– Сколько времени, как правило, длились «романы»?

Никита насупился:

– Месяца три, не больше. Жанне начинало надоедать, она говорила, что в кровати с ними долго не выдерживает, раздражали очень, противные, потные. Она дома, когда возвращалась со свиданий, по часу в ванне сидела. Все лила в воду всякие пены, ароматы. Выйдет, так благоухает, как парфюмерная лавка. Я ее спросил: «Зачем так крепко душишься?» А она в ответ: «Запах чужого мужика забиваю».

Да уж. Впору пожалеть бедняжку, труд проститутки, даже элитной, отнюдь не веселое и не приятное занятие. Только в моей душе отчего-то не было сочувствия к Жанне.

– Почему же с Борисом Львовичем вы так затянули?

Никита развел руками:

– Жанка приказала. Он ей подарок сделал, сейчас покажу.

Вскоре на столе появилась синяя бархатная коробочка. Я откинула крышку и щелкнула языком от удивления. Внутри находилось кольцо, вернее, перстень, сделанный явно не современными ювелирами. Вещица выглядела богато и очень изысканно. Тонкая золотая оправа, в середине переплетенные буквы Е и В, по периметру шла окантовка из мелких темно-синих сапфиров, в четырех углах – довольно крупные бриллианты.

– Ничего себе, – присвистнула я, – вот это сувенирчик.

– Потом он ей дал вот это, – продолжал Никита и выложил длинный узкий замшевый футляр. Там находилось жемчужное ожерелье. И вновь было понятно, что его нанизывали в XIX веке. Довольно крупные жемчужинки чередовались с неизвестными мне самоцветами – розовыми, серыми и фиолетовыми. Посередине свисал квадратный медальон. На золотой крышке был выгравирован вензель Е.В., и опять шла окантовка из сапфиров с алмазами по углам. Это был явно комплект, и стоил он дорого. Вряд ли он принадлежал Ане. Во-первых, ее инициалы А.Р., а во-вторых, хозяйка с большой гордостью демонстрировала мне свои украшения, которые стала приобретать, достигнув благополучия.

– Вон смотри, красота какая, – радовалась она, тыча мне под нос уродливые куски золота с выступающими булыжниками. – В Египте брала, а эти в Тунисе...

Но пара, оказавшаяся у Жанны, явно сделана не трудолюбивыми арабскими ремесленниками. Интересно, как эти вещи попали к Борису Львовичу? Наверное, он очень любил девушку, если подарил ей эти штучки.

– Борька говорил: от матери остались, – пояснил Никита, – она у него вроде из княжеского рода, Евдокия Вяземская, а бабка была Екатериной. Эгрет и кольцо для бабки делали, а она уж потом дочь специально назвала на Е, чтобы вензель совпал, все-таки семейная реликвия. Вот мы и подумали, что у Борьки много чего еще запрячено...

Понятно, решили встряхнуть мужика под завязку.

– Ну-ка, рассказывай быстро, какие отношения были у вас с остальными гостями?

Никита поморщился:

– Зюку эту терпеть не могу. Жанка ее тоже недолюбливала. Валерия в «Искусствфонде» работает, путевки там на отдых выдает. Еще всем всегда обещает: «Приходите ко мне, устрою на лето в Лутонино, будете с живыми классиками рядом гулять и обедать». Леня – владелец картинной галереи «Москва-арт».

Мужик, похожий на генерала Лебеда, хозяин художественного салона? Грубиян, таскающий в кармане вечернего костюма пистолет? Вот уж никогда бы не подумала!

Никита замолчал и начал размазывать пальцем по столу небольшую кофейную лужу.

– Ну, – поторопила я, – а Андрей Корчагин, муж Валерии?

«Информатор» нахмурился.

– Ну!

– Дюша-индюша, – пробормотал Никита.

– Что?

– Его Жанка так звала – Дюша-индюша.

– Вы его тоже «пощипали»?

Парень кивнул.

– Только он очень противный, Жанка рядом с ним всего две недели выдержала. Почему Лерка его терпит, удивляюсь. Жадный, злой, с деньгами, как с жизнью, расстаётся. А ведь есть копеечка, есть, и не маленькая! Валеркин папа знаете кто?

Я молча смотрела на Никиту.

– Очень богатый человек!

– И кто же?

– Не знаю, слышал только, что денег у мужика как тараканов, всех не перевести ни в жизнь. Жанка у них на даче была, вернулась потрясенная – три этажа, у

входа колонны, в холле мраморный пол, внутри бассейн! А теперь угадайте, сколько нам с него содрать удалось?

– И сколько?

– Десять тысяч!

– Нормальная сумма, между прочим, вполне приличные «Жигули» две тысячи стоят.

– Так то долларов! А он дал российскими...

– Рублями?

– Ага, а потом заныл: режьте, бейте, ни копейки нет.

Я Жанке оплеухи раздаю, она рыдает: «Андрюшенька, заплати гаду, он меня убьет!» Да все мужики, как только я Жанне одну затрещину отвешивал, мигом к сейфам за заначками кидались, ни разу облома не вышло. А тут прямо руку отбил, Жанка потом дома две недели отсидживались – по всей морде синяки шли.

– Что же ты так здорово ее отходил?

– Так не в театре, – пояснил Никита, – все должно натурально выглядеть. Если руку придержу, сразу заметно, а так – на щеке пятна, Жанна плачет, у любовников сердце и разрывается, у всех. Вот только Дюша-индюша кремь оказался, выложил десять деревянных кусков, и все. Я ору: «Убью падлу!» А он: «Убивай, пожалуйста, только не в моем доме, а на улице, денег больше нет!» И сигаретку закурил. Еще знаете что?

– Что?

– Ну, обычно после того, как мне мужики деньги швырнут, я Жанку для порядка еще раза два пну и уйду. А она остается с кавалером. Плачет, убивается... Ну, чтобы подозрений не было. Мужчины, как правило, утешают, кое-кто даже предлагал квартиру снять, чтобы от супруга-урода спрятать. Такси ловят, усаживают, интеллигентные люди. А Дюша! Ну прикиньте! Он ей при мне платье

швырнул и велел: «Убирайтесь, оба!» Жанка лепечет: «Дюшенька, он же меня сейчас на лестнице прибьет». А тот так спокойненько в ответ: «Ваше дело, семейное. Между прочим, я бы Валерию тоже придавил».

Я засмеялась: ай да Дюша-индюша, молоток, а не парень.

Глава 8

Домой я шла в расстроенных чувствах. По дороге зарулила в ближайшую булочную, купила стаканчик кофе и уставилась в большое окно. По улице, подняв воротники и затянув потуже шарфы, скорым шагом неслись прохожие. Вот вам и апрель, да в декабре теплей было. Впрочем, чего уж тут удивляться. У нас всегда на Новый год сыплет дождь, а в мае ударяют морозы. Причем природа обладает каким-то иезуитским коварством. Сначала на майские праздники, кои растягиваются на целых десять дней, стоят великолепные теплые, солнечные деньки. Обрадованные дачники споро вскапывают грядки и быстренько сажают морковку, редиску, лучок, петрушку, кое-кто рискует побросать картошки, намереваясь в июле полакомиться молоденькой скороспелкой. Одиннадцатого числа, как по заказу, небо затягивают свинцовые тучи. Градусник, словно в обмороке, валится вниз, и к утру грядки покрываются ровной коркой льда. Да, не всегда в жизни получается так, как задумываешь. Вот и у Никиты случилось несчастье. Понятно теперь, отчего парень так убивается, потеряв Жанну. Наверное, он все же любил сестру, но главное, с ее смертью исчез прекрасный и необременительный для него источник финансирования. Всего и дел-то, что отхлестать сестричку по морде, да многие совершают подобную процедуру бесплатно, из любви к искусству, так сказать...

Напиток на вкус оказался отвратительным. Я посмотрела на пакетик – «Маккофе». Тот самый, столь широко разрекламированный по телевизору. Впрочем, мне никогда не нравился идиотский ролик. Сначала стая негров бежит за перепуганной коровой, потом стадо коров гонится за жилистым африканцем. Иногда посередине «фильма» показывают картинно трясущегося коренного жителя Замбии, на кудрявую голову которого падают хлопья ваты, якобы изображающие снег из сахара. Полная порнография! Хотя Лиза и Кирюша каждый раз радостно смеются, и даже мне в голову запал слоган – «В норме сливки, сахар, кофе, вот гармония «Маккофе». Так что свою роль реклама

выполнила. Руки же схватили сейчас у кассы именно этот пакетик, хотя рядом лежали «Якобс» и «Чибо». Швырнув пакетик в урну, я побежала к метро.

В прихожей стояла звенящая тишина.

– Есть кто дома? – крикнула я.

Из ванной слышалось сдавленное хихиканье, потом два голоса ответили разом:

– Погоди, сейчас.

Я покорно стащила сапоги и, дивясь на отсутствие собак, вошла на кухню. На столе, раскинув в стороны все четыре лапы, спала Пингва.

– Это что еще такое! – возмутилась я и шлепнула наглую киску тряпкой.

Пингва лениво мяукнула и скатилась на пол. Нет, в первый раз встречаю такое хамское животное! Устроиться на ночлег на обеденном столе!

– Лампа, – раздалось за спиной.

Я повернулась и невольно разжала руки. Тряпка шлепнулась прямо на мирно посапывающую Пингву. Кошка в негодовании фыркнула и в один миг вновь взлетела на стол, где как ни в чем не бывало плюхнулась рядом с сахарницей. Но мне было не до плохо воспитанной киски.

В кухню, загадочно улыбаясь, вошла девочка. По голосу я поняла, что это Лиза, но внешний вид! Светло-русые волосы превратились в каштаново-рыжие. Совершенно прямые еще пару часов назад, сейчас они вились «мелким бесом». Во времена моего детства такая прическа носила название «Анджела Дэвис», по имени легендарной черной американки, боровшейся за права угнетенных народов. Правда, потом выяснилось, что она банальная уголовница, нападавшая на банки, но прическа ее от этого не изменилась – пружинообразные пряди, стоящие дыбом.

Впрочем, метаморфоза произошла не только с волосами. Лицо девочки покрывал ровный слой тональной пудры цвета загара, щеки пламенели климактерическим румянцем, губы в тон ланитам были бордово-свекольные. И вырядилась она как на карнавал в Рио-де-Жанейро. Ярко-зеленые, вернее, невероятно салатные, или нет, ядовито-изумрудные... словом, нет в моем словарном запасе эпитета, чтобы описать цвет брючек, красовавшихся на Лизе. Да и не брюки это были вовсе, а скорей бриджи. Хотя длинноваты, ниже середины икры, а заканчиваются бахромой из висюлек с бусами. Брючата сидят так плотно, словно вторая кожа, и также обтягивают попу – надо сказать, что она у Лизы не такая уж и маленькая. Сверху на ней был свитерок. Похоже, что Лизе пришлось предварительно намылиться, чтобы влезть в этот футляр розового цвета. Рукава, горловину и низ джемпера украшали цветочки.

– Ну как? – гордо спросила Лиза. – Красота? Завтра так в школу пойду, все умрут!

Это точно, первой скончается классная руководительница, милейшая, интеллигентнейшая Людмила Геннадьевна. Впрочем, учительница продленного дня, скромная и всегда со вкусом одетая Галина Алексеевна Криворучко, тоже скорей всего схватится за пузырек с валокордином. Хотя, может, это и впрямь модно? Ну носили же мы невероятно узкие джинсы «Ливайс»? Очень хорошо помню, что после каждой стирки драгоценные штаны, приобретенные за двести рублей в туалете возле магазина «Ванда», следовало натягивать на себя в мокром виде, лежа. И потом ходить в компрессе из джинсовки до полного высыхания прикида. Только таким образом можно было добиться идеального внешнего вида.

– Мне идет? – не успокаивалась Лиза, хлопая покрашенными ресницами.

– Очень, – покривила я душой.

Если мне не нравится одежда, это еще не значит, что Лизе следует ее снять. Ну не ходить же ей в деловых костюмах и элегантных шляпках. Стиль «английской королевы» не для тинейджеров. Да к тому же она давно останавливалась у витрин в нашем переходе к метро, разглядывая несусветные на вид тряпки. Правда, не просила, только смотрела. А теперь такое везение: в дом явилась щедрая Ирочка с десятью сундуками, забитыми под завязку барахлом.

– Еще ботинки есть, – счастливо взвизгнула Лиза и показала нечто, больше всего похожее на небольшие чемоданчики из красной лаковой кожи.

Произведение сапожного «от кутюр» украшали примерно пятнадцатисантиметровые платформы.

– Прикол! – радовалась Лиза. – Стебно!

– Отличная вещь, – похвалила я, – только смотри, ногу не сломай.

– Не, они удобные, – влезла Ирочка, – я в таких же хожу.

– А эти чьи?

– Тоже мои, – пояснила она. – Да вы не волнуйтесь, у меня бареток этих двадцать пар. Пусть Лизка носит. Лампа, а ты ничего не замечаешь?

Отметив, что она перешла со мной на «ты», я отрицательно покачала головой.

– Ну погляди внимательно, – настаивала Ира, – изучи Лизку строгим взглядом!

Я принялась разглядывать девочку. Вроде все нормально, кроме одежды и макияжа.

– Ага! – завопила Лиза. – Проспорила! Говорила тебе, не заметит!

– Да, – вздохнула Ира, – десять баксов твои.

– В чем дело? – спросила я.

Лиза ткнула себя пальцем в грудь.

– И теперь ничего не замечаешь?

Тут только я обратила внимание, что еще утром плоская, как доска, Лизавета обзавелась роскошным бюстом размера третьего, не меньше.

– Как ты этого достигла?

Девчонки захихикали и показали специальный лифчик, в чашечки которого были вложены силиконовые прокладки. Да, далеко зашел прогресс. Помнится, наши консерваторские девицы, стремясь поаппетитней выглядеть, напихивали в бюстгальтер вату.

– А где собаки?

– С Кирюшей гуляют.

– Он пошел один? С Рейчел, Мулей, Адой и Рамиком? Со сломанной рукой?

– Мы волосы красили, – обиделась Лиза, – я ему сказала: подожди, сейчас высушу и пойдем, а он убежал!

Странно, однако, обычно мальчик гуляет во дворе, но сегодня перед подъездом никого не было.

В задумчивости я вошла в спальню, влезла в халат и с опаской глянула на балкон – никого, надо бы попить чаю да лечь в кровать. Только куда подевался Кирюша? В этот момент прозвенел звонок. Обрадованная, я распахнула дверь, не поглядев в «глазок». Все собаки, отчаянно толкаясь, влетели в квартиру и, оставляя повсюду черные, грязные следы, понеслись на кухню, за ними, словно вожжи, волочились поводки. Я разозлилась. Мы никогда не разрешаем собакам врываться домой с грязными лапами. У входной двери специально приделаны крючки, на них привязываются поводки, и члены стаи покорно ждут, пока их по одному пригласят в ванную для обмывания животов и лап.

– Кирюша! Ну какого черта ты их спустил, – крикнула я и тут увидела, что паренек, пришедший с псами, на самом деле Сережа Боков из тридцать девятой квартиры. – Сережа? – удивилась я. – А где Кирка?

– У булочной лежит, – спокойно ответил подросток.

– Как лежит? Зачем?

– Похоже, ногу сломал!

Вне себя от гнева и страха, я выскользнула из халата, нацепила куртку и понеслась к булочной. За мной, еле-еле поспевая на уродских платформах, ковыляли плачущие Ира и Лиза.

Но возле кондитерской никого не было. Мы притормозили, я принялась оглядываться, девицы перестали рыдать. И то дело, зачем пускать сопли, когда еще не ясно, что к чему, может, Сережа так пошутил, хотя первое апреля уже позади...

– Эй-эй! – крикнула в приоткрытую дверь толстая женщина лет шестидесяти. – Мальчика ищите? Он у нас, к директору в кабинет втащили.

Чуть не столкнувшись лбами, мы с девчонками ринулись внутрь. В маленькой комнатке на диване «Малютка» как-то не по-человечески отставив правую ногу, полулежал Кирюшка.

– Лампа, – сказал он, увидев мое перекошенное лицо, – только не бей меня, как всегда, палкой от швабры по голове.

От возмущения у меня пропал голос, и я просто открывала и закрывала рот, как гигантская рыба. В негодование пришла и заведующая хлебным магазином, простоватая тетка лет пятидесяти в чудовищной ярко-красной кофте с люрексом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/darya-doncova/obed-u-lyudoeda>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)